

Женская сила

Ирина
Мясникова

Женские истории

Ирина Мясникова

Женская сила

«Автор»

2013

Мясникова И. Н.

Женская сила / И. Н. Мясникова — «Автор», 2013 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-04360-3

Таня Виноградова и Ирка Федотова дружили с детства. Всегда такие разные, к тридцати пяти годам обнаружили в личной жизни одинаковые проблемы. Ирка развелась с мужем, потому что он ей стал изменять. Таня устала от запоев своего мужа и тоже решила разойтись. По теории же модного психолога и экстрасенса профессора Зелинского, личный сайт которого посещали подруги, женщина обладает огромной мистической энергией, которую она обязана отдавать подходящему ей мужчине... Где же двум привлекательным, полным жизни и энергии современным женщинам найти этих подходящих мужчин, к кому они могли бы приложить свою загадочную женскую силу?

ISBN 978-5-227-04360-3

© Мясникова И. Н., 2013

© Автор, 2013

Ирина Николаевна Мясникова

Женская сила

«Женщина служит мужчине. В этом ее призвание, – приятным задушевым голосом вещал из проигрывателя чрезвычайно модный психолог, волшебник и экстрасенс профессор Зелинский. – Пока не найдет своего мужчину, женщина может кокетничать, обманывать и даже предавать, то есть проявлять по отношению к субъектам противоположного пола то самое, всем известное женское коварство. Но когда женщина наконец мужчину выберет, она будет честно служить ему, отдавая свою огромную мистическую энергию. Именно эта энергия делает из мужчины мужчину и позволяет ему достигнуть высот, о которых он мог бы только мечтать. Вернее, высот, о которых он даже не подозревает!»

Зал при этих словах отозвался удивленным вздохом и замер. Вместе с залом замерла и Таня Виноградова.

«Да, да! – продолжал психолог. – Женщина наделена просто колоссальной мистической энергией, и, наверное, это уже ни для кого не секрет».

Для Тани это было секретом. Большим. Она тяжело вздохнула, выключила проигрыватель и решила пойти покурить, а заодно и посмотреть на мужчину, которому она служила вот уже скоро пятнадцать лет, отдавая всю свою колоссальную мистическую энергию, если, конечно, верить этому психологу.

Таня взяла сигареты и по пути на лоджию заглянула в спальню.

Белов тихо постанывал, пристегнутый к капельницам. Доктор расположился рядышком в глубоком кресле и безмятежно дремал. Да, по всему видно, Танина мистическая энергия пошла куда-то не туда. Вернее, псу под хвост она пошла, вот что.

Таня вышла на лоджию и закурила. Она отодвинула раму, и сразу все вокруг зазвенело детскими голосами и звуками большого города. Таня подумала о Гришке, которого пришлось на время отправить к родителям, и ей захотелось плакать. Хорошо еще, что родители теперь живут неподалеку, и ребенок может по-прежнему ходить в свою школу.

Очередной запой Белова на этот раз длился всего четыре дня. Уже на третий день он бродил по дому со стеклянными глазами, бросался Тане в ноги, просил прощения и доктора. Таня не торопилась, по опыту зная, что сразу вызывать Белову доктора бесполезно. Его нужно немного помариновать, чтобы ощутил в полной мере необходимость этого доктора. Перепугался чуток. В глубине души Таня надеялась, что во время запоя Белов наконец увидит какую-нибудь жуткую страсть и решит навсегда завязать с пагубной привычкой. Видят же алкаши каких-то там чертиков и зеленых человечков? Но Белов, судя по всему, никаких чертей во время запоев еще ни разу не встречал. Ему просто было плохо физически. Белов очень любил себя и больше всего на свете боялся, что с ним случится инфаркт, поэтому доктора просил сам и под капельницы ложился с радостью. К регулярным запоям супруга Таня уже давно приспособилась. И она приспособилась, и ее родители, и даже Гришка приспособился. При первых признаках отцовского погружения в нирвану он собирал свой рюкзачок и выказывал Тане готовность следовать к бабушке. Вот за это Таня хотела бы придушить Белова собственными руками. За это и еще за то, что в нирвану он направлялся обычно в самый неподходящий момент, безжалостно ломая все их семейные совместные планы. Будь то элементарный поход в гости или отъезд в отпуск за границу. Без разницы. Два раза уже Таня уезжала вместе с Гришкой, оставив невменяемого Белова дома под присмотром свекрови. Один раз, правда, ей все-таки удалось запихнуть Белова в самолет и дотащить до отеля, но потом она прокляла все на свете, а особенно систему «Все включено».

Таня услышала за спиной какое-то движение, обернулась и увидела доктора. Доктор был симпатичный и незнакомый. Постоянный доктор Белова, как выяснилось, ушел в отпуск, и

Тане тут же нашли другого, который ничем не хуже, как утверждал заведующий клиникой. Таня, конечно, подозревала, что доктор, регулярно выводивший Белова из запоя вот уже на протяжении пяти лет, ушел совсем не в отпуск. Скорее всего, тоже валялся где-то под капельницами. Танин жизненный опыт свидетельствовал о том, что специалисты по выведению из запоя все как один алкоголики. Подшитые или завязавшие сами с помощью невероятных усилий. И этот новый, который симпатичный, наверняка тоже из этих. Жаль. С виду уж очень приличный. Одет хорошо, и глаза добрые.

– Можно я к вам присоединюсь? – поинтересовался доктор, доставая сигареты.

– Конечно. – Таня подвинулась, давая доктору место у открытого окна.

Доктор закурил и выглянул в окно:

– Хорошо тут у вас. Высоко, и дышится свободно.

– С той стороны еще лучше. Там терраса у нас застекленная, зимний сад и вид на залив.

Только курить там нельзя.

– Почему?

– Если курить везде, то квартира будет похожа на пепельницу. Я вот определила место для курения тут, на лоджии. Здесь и вытяжка есть специальная.

– А что же вы делаете на застекленной террасе с видом на залив?

– Пью вино и люблюсь окрестностями.

– Странно и нелогично. Любоваться окрестностями лучше всего с бокалом в одной руке и сигаретой в другой.

Таня задумалась. А доктор, пожалуй, прав. Соображает.

– Выходит, опростоволосилась я. Просто пью и люблюсь видом я очень редко, а курю часто. В последнее время пачка в день уже уходит.

– Это плохо. Очень. Во всех смыслах. И здоровье свое курением губите, и терраса с видом на залив простаивает.

Доктор нравился Тане все больше и больше. Она даже машинально поправила прическу и мысленно порадовалась, что глаза у нее накрашены.

– Мы скоро закончим. Надо сказать, что супруг ваш имеет железное здоровье. Организм восстанавливается просто моментально. Это удивительно, я такого еще никогда не видел. У него уже даже чувство голода появилось.

«Вот оно как! – Танину голову посетила блестящая мысль: – Вот куда моя колоссальная мистическая энергия пошла! Точно псу под хвост».

– Вы его сейчас чем-нибудь легким покормите. Бульончиком, например... – продолжал доктор.

– Ага, или дубиной по голове. Мне бы больше дубиной понравилось.

– Я вам вместо дубины шприцы большие оставлю и ампулы. Ему сейчас курсик восстановительный с минералами не помешает. Глюконата кальция очень хороший укол, кстати, весьма болезненный. Вот и получите удовольствие. Не хуже, чем если дубиной.

– Спасибо вам, доктор.

– Не за что. Вы у нас в клинике пациенты постоянные, любимые, на абонементе, можно сказать. Опять же подшиваться ни в какую не хотите, так что мы без работы не останемся. Что подшиться-то не желаете? Хорошее дело. Я вот сам подшитый, и ничего.

– Надо же, а ведь я так и решила, что вы из этих. – Тане сразу подумалось, что, наверное, тянет ее на алкашей. Вот и доктор этот ей приглянулся. Или это алкаши к ней притягиваются? – Но у вас, доктор, работа другая. Вы не праздники организуете, а их последствия ликвидируете. Видите, так сказать, результаты пагубного воздействия алкоголя на организм. Невооруженным глазом. А ну как на каждом вызове вас будут ждать фуршет, танцы-шманцы, клоуны и Эдита Пьеха?

– Сама?

– Сама. Впрочем, не обязательно она. Все от бюджета мероприятия зависит. Может и Анне Вески, например, быть. Или Асадуллин Альберт. Помните «Орфей полюбил Эвридику»? Сейчас так уже петь не умеют. А может даже и Алла Борисовна или Шакира, но это уже если у заказчика совсем с деньгами зашкаливает. У нас в Питере все-таки Асадуллин чаще на праздниках бывает.

– И что? Супругу вашему обязательно надо с Альбертом водки дерябнуть? Иначе праздник не состоится?

– Нет, что вы! Артисты на мероприятиях никогда не пьют. Приходят, отрабатывают – и до свидос! А вот заказчики на радостях... Представляете, искушение-то какое! Огромное искушение. Супруг же мой, по сути, вроде как тамада.

– Сам лично, что ли, праздники проводит? Вроде бы, я так понял, у него целая фирма по организации праздников имеется.

– Конечно, у него в фирме ребята молодые талантливые есть. Но иногда и самому приходится. Для особых заказчиков. И вот результат. Прямо скажем, производственная травма. А если он еще при этом подшитый будет, так и вовсе помрет. – Таня горестно махнула рукой и уставилась в окно.

– Вот-вот! Татьяна Александровна, оправдываете, жалеете. А еще чего-то про дубину говорили. Ну жалеите, жалеите. Только про себя не забывайте. Вас-то кто-нибудь тут жалеет? – В голосе доктора прозвучало что-то такое, отчего Тане захотелось зареветь.

– Нет. Меня только я сама и жалею.

– Врете. Не жалеете вы себя ни капельки.

Доктор погрозил Тане пальцем, потушил сигарету и пошел в спальню отстегивать Белова от капельницы. Таня поймала себя на желании выкинуть сигарету в окно. Да что там сигарету, ей захотелось вытряхнуть туда всю пепельницу. Борясь с искушением, она тяжело вздохнула, закрыла окно и отправилась в кабинет Белова за деньгами. Свои деньги на выведение Белова из запоя Таня не тратила никогда. Принципиально. Ну или вернее будет сказать, что Белов никогда не пропивал столько, чтобы не было чем заплатить за выведение из запоя. Уж что-что, а деньги у Белова всегда водились.

В портфеле Белова в специальном отделении она не нашла ни кошелька, ни ключей от машины, ни документов на нее. Это было странно. Шарить дальше в портфеле супруга Тане совсем не хотелось, и она решила, что разберется с этим делом потом, когда с Беловым можно будет уже нормально разговаривать. Она сунулась в ящик стола и обнаружила там увесистую пачку пятитысячных купюр. Похоже, последний корпоратив удался на славу. Да, при всех недостатках Белова у него было одно очень большое положительное качество. Он умел зарабатывать деньги. Правда, заработанное он обычно в пьяном угаре распахивал по самым неожиданным местам. Может, пропить боялся? Зато радовался потом, обнаружив такую вот заначку, как малый ребенок. Слава богу, за пределами кабинета Белов деньги никогда не прятал. Сообщал все-таки, что ребенок в доме. Таня успокоилась. Наверное, и свой кошелек, и ключи с документами на машину куда-нибудь запихнул.

Она расплатилась с доктором, закрыла за ним дверь и заглянула в спальню. Белов сладко спал. Благодаря капельницам гадостных миазмов в воздухе ощущалось гораздо меньше. Таня приоткрыла окно и опять пошла на лоджию покурить. Слушать психологический тренинг больше не хотелось. Надо сначала переварить услышанное. Вспомнились слова доктора о том, что ее никто не жалеет.

«Неправда ваша, дяденька доктор, – подумала Таня, затягиваясь очередной сигаретой. – Конечно, мама с папой меня не жалеют, а осуждают. Им Белов никогда не нравился. Папа его так и вовсе прощелыгой сразу прозвал. Конечно, родители меня любят, но вот чтобы пожалеть... Нет, никогда. Считают, что я сама во всем виновата. Это факт. И Гришка меня про-

сто любит. Так и Белова он любит. Несмотря ни на что. Папка как-никак! Как же папку-то не любить? Зато вот лучшая подруга Ирка Федотова жалеет определенно».

С Иркой они познакомились в пятом классе. Их родители одновременно въехали в квартиры нового кооперативного кирпичного дома на Гражданском проспекте. Дом был расположен как раз напротив английской спецшколы, куда их обеих тут же определили на учебу. Со школой повезло. Дом находился в одном с ней микрорайоне, и директрисе не оставалось ничего иного, как принять сверхплановых новичков. Правда, у девочек по английскому языку в документах красовались пятерки, но пятерка в обычной школе и пятерка в специальной – вещи совершенно разные. Директриса попыталась было рассказать родителям, как дети будут мучиться, осваивая труднейшую программу спецшколы, но родители были непреклонны. И прямо в середине учебного года класс пополнился сразу двумя новенькими ученицами: Таней Виноградовой в очках от косоглазия, белобрысой, с двумя косицами, завернутыми в баранки и увенчанными огромными бантами, и темненькой, вертлявой, худющей Иркой Федотовой, стриженной коротко, под мальчишку. Новые одноклассники и одноклассницы смотрели на них с некоторым презрением. Еще бы. Они-то уже пятый год учились в крутой спецшколе, некоторых даже возили на занятия на автомобилях, а эти две были явно из обычной школы и из обычных семей. Об этом говорили и их простецкие ранцы, и скромные зимние пальтишки. Поэтому Таня с Иркой как-то само собой сблизились и стали дружить, тем более что проживали в одном парадном, только на разных этажах. Кстати, проблем с английским языком, которыми так запугивала родителей директриса, ни у одной из девочек впоследствии не возникло.

Таня Виноградова вообще была круглой отличницей и абсолютно дисциплинированным человеком. Как ее потом уже окрестила Ирка, «квадратно правильной». Таня всегда твердо знала, что такое хорошо, а что такое плохо, что можно, а чего нельзя, что прилично, а что нет. Танины родители работали на заводе. Папа мастером, а мама нормировщицей. Оба они были членами Коммунистической партии Советского Союза, а папа даже входил в состав заводского парткома. Вечером родители обычно вместе приезжали с работы. Таня всегда ждала их с готовым горячим ужином, выученными уроками и идеально убранной квартирой. После ужина вся семья обязательно смотрела телевизор. Передачу «Вести», «Пятое колесо» и «Шестьсот секунд». Родители очень переживали по поводу начавшейся в стране перестройки и боялись остаться без работы с невыплаченным кооперативом. Уроки у Тани никогда не проверяли. Зачем? У такого ответственного человека еще и уроки проверять?

Ирка Федотова была полной Таниной противоположностью. Она не любила дисциплину и ко всему относилась критически. До перестройки Иркин папа работал ведущим инженером в проектно-институте, а мама училась в аспирантуре и писала диссертацию. Иркины родители жили дружно и часто принимали у себя гостей, таких же жизнерадостных и энергичных людей. Когда приходили гости, Иркины родители варили глинтвейн, рассуждали о литературе, в основном об иностранной, о политике, о перестройке и рассказывали анекдоты. Они смотрели те же передачи по телевизору, но если родители Тани Виноградовой с испугом, то родители Ирки Федотовой смотрели телевизор с надеждой. С началом перестройки Иркин папа бросил работу в институте и ездил в Польшу и Турцию «челноком». Потом и Иркина мама плюнула на свою диссертацию и присоединилась к супругу. Сначала они торговали шмотками на рынке, а потом приобрели свой первый магазин на чековом аукционе.

Надо сказать, что уроки у Ирки тоже никогда не проверяли, хоть она и не была отличницей. Родители считали, что она достаточно разумна для того, чтобы самостоятельно заботиться о своем будущем. Ей просто как следует объяснили, какие перспективы открывает перед ней хорошая и плохая учеба. Правда, Ирка, в отличие от Тани, над учебниками не сидела. Она была хорошисткой. Видимо, с детства уже подсознательно понимала все про принцип Парето. Мол, двадцать процентов усилий дают восемьдесят процентов результата, а оставшиеся восемьдесят процентов усилий улучшают результат всего лишь на двадцать процентов. К стопроцентному

результату Ирка никогда не стремилась, поэтому тратила на учебу именно двадцать процентов своих усилий. Остальное время она крутилась перед зеркалом и мечтала о прекрасном принце, который увезет ее в Америку.

И чего уж тут удивляться, что Танины родители дружбу с Ирккой никогда не одобряли, называя саму Ирку пустоголовкой вертихвосткой, а ее родителей беспринципными торгашами. Однако «квадратно правильная» Таня имела по любому поводу свое собственное мнение, с которого ее было не свернуть никаким бронепоездом. Таня любила бывать у Ирки и слушать «неправильные» разговоры Иркиных родителей. У Ирки дома было весело. И конечно, Таня набралась от Ирки всякой либеральной чепухи, которую так не выносили Танины папа с мамой. Ирка же научилась от Тани пунктуальности и даже стала убирать в своей комнате. Ведь ей, в свою очередь, очень нравилась идеальная чистота, которую Таня поддерживала у себя дома.

Очки от косоглазия Таня сняла только в старших классах, тогда же она перестала носить банты, однако прическе своей никогда не изменяла. Уж очень удобно. Заплела косички, завернула их в баранки – и вперед. Когда школьную форму отменили, Таня огорчилась, так как в результате перестройки семья жила туго, и при наличии школьной формы вопрос «Что надеть?» не стоял. Поэтому Таня упорно донашивала свои старые школьные платья и передники. Чего уж тут говорить про мальчиков. Про них Таня даже не думала. Не положено. Детям до восемнадцати лет запрещается.

После школы Таня поступила в Университет культуры, или, как его звали в городе, Кулек, на библиотечный факультет. Она всегда трепетно относилась к книгам и мечтала с ними работать. Ведь на библиотечной работе книги можно читать практически круглосуточно. Параллельно с учебой Таня подрабатывала в отделе кадров крупного домостроительного комбината, куда она устроилась совершенно случайно по объявлению о найме курьера. Таня пришла, с ней поговорили и взяли не курьером, а в кадры. Зарплаты Тане теперь на кое-какие вещи вполне хватало, на одежду и на пропитание. Даже родителям подкидывала кое-чего. Кооператив-то выплачивать надо, а на заводе, где работали Танины мать с отцом, платить практически перестали. Даже ходили слухи, что завод и вовсе закроют. После смерти бабушки Тане досталась комната в коммунальной квартире, и Таня теперь проживала самостоятельно в центре города. Отдельное проживание от родителей привело Таню к тому, что она сильно похудела и практически постоянно хотела есть. Конечно, готовить еду Таня умела. Еще как! Кашеварить мама ее научила с детства и с удовольствием в свое время полностью переложила эту обязанность на Танины плечи. Но одно дело готовить для семьи, а совсем другое – для себя лично. Готовить себе Таня не то чтобы ленилась, просто не любила лишний раз толкаться на коммунальной кухне, оккупированной соседями. Так, перехватывала что-нибудь в институтской столовой или по дороге с работы в пирожковой. Работа отнимала много времени от учебы, и в результате Таня перевелась на вечерний факультет. Таким образом, жизнь ее вошла в определенный ритм. Таня мчалась ни свет ни заря на работу, там трудилась в поте лица, а затем бежала на занятия. Ни думать о мальчиках, ни наряжаться времени у нее попросту не было.

Так бы все и продолжалось, если б не Лидия Андреевна, непосредственная Танина начальница. Она была довольна прилежностью и исполнительностью новой сотрудницы и всячески это свое удовольствие демонстрировала. И премии подкидывала, и ставила всем в пример. Сама Лидия Андреевна была женщиной, как говорится, без возраста и очень и очень эффектной. Она считала, что начальник отдела кадров должен всем своим видом демонстрировать благополучие и огромные плюсы работы на данном предприятии. Своих сотрудниц она также старалась привести к такому же безукоризненному внешнему виду. Больше всего Лидия Андреевна не любила, когда кто-то из ее подчиненных делал макияж, придя на работу. Вот уж тут провинившейся доставалось!

– Выходя из дома неубранной лахудрой, вы не просто оскорбляете окружающих, считая их мнение о вас совершенно не важным. Вы откровенно и нагло вычеркиваете из жизни тот

отрезок времени, который потратили на дорогу к офису. Вы отмечаете всех прекрасных принцев, которых вам в этот момент послала судьба. И в конце концов, вы попросту не уважаете своих сослуживцев, считая возможным заниматься рисованием глаз в их присутствии!

Таня обычно в таких случаях сидела тихо как мышка. Уж кто-кто, а Виноградова никогда на рабочем месте макияж не делала. Она его вообще никогда не делала, но в очередной раз досталось и ей.

– А Виноградова так и вовсе сводит на нет все те прекрасные дары, которые ей подкинула природа!

Таня виновато опустила голову. Она знала, что Лидия Андреевна женщина добрая и ругается для порядка.

– Чего молчишь, Виноградова? Тебе не стыдно?

– Чего? – удивилась Таня.

– Того! Посмотри на себя в зеркало. Тебе двадцать лет, а ты выглядишь как тетка! – Лидия Андреевна аж ногой притопнула. Она распахнула дверцу шкафа, в который сотрудницы отдела вешали верхнюю одежду. На внутренней стороне дверцы располагалось большое зеркало. – Посмотри, посмотри!

Таня послушно подошла к зеркалу и ничего особенного там не увидела. Виноградова как Виноградова. Темная юбка в складку, светлая блузка и теплая шерстяная кофта. Особой красоты, конечно, нет, но все чисто и аккуратно. Таня недоуменно пожала плечами и вопросительно посмотрела на Лидию Андреевну. Та тяжело вздохнула:

– Таня! Ты натуральная блондинка. Это такая редкость. Тебе надо показывать свои волосы, а не прятать их в пионерские баранки. Ты бы еще банты надела. И глаза! У тебя замечательные зеленые глаза, что тоже редкость. Не серые, не голубые, не бесцветные, а настоящие зеленые. Их тоже надо подчеркивать. Ты про такую вещь, как тушь для ресниц, слышала?

– Конечно слышала. Лидия Андреевна, но мне некогда. Я же работаю и учусь.

– В первую очередь, Танечка, ты живешь. А как ты живешь, если выглядишь как моль бесцветная? Или ты жить потом собираешься? Так вот я тебе скажу, что «потом» не будет. Есть только здесь и сейчас.

– Сейчас у меня сессия на носу, – с чувством сообщила Таня. Даже представила себя героем, погибающим на амбразуре.

– Ах, сессия! В Кульке! Ты мне зачем мозги полощешь? Ты ж вроде не на секретного физика учишься? Короче, Виноградова, вот тебе телефон моего мастера в парикмахерской, она из тебя человека сделает. Вот здесь я записала название туши для ресниц, которую тебе надо купить. Даю тебе неделю срока и два дня отгула, чтобы пришла на работу человеком. И не забудь свои пионерские шмотки сменить. Зарплата тебе позволяет. Купи себе костюм какой-нибудь или хотя бы джинсы для начала. Такая вот тебе от меня сессия. А не выполнишь задание, уволью. – Лидия Андреевна сунула Тане листок с телефоном и названием туши. – Я к шефу, – добавила она и вышла из отдела.

– Ну, Танька, ты попала. Она тебя в оборот взяла, – заметила Вера Александровна. Ее рабочий стол находился как раз напротив Таниного.

– Теперь не отцепится, – согласилась с ней Лера, подкрашивая губы. – И чего она в тебе такого нашла? Носится как с писаной торбой.

И Вера Александровна, и Лера работали в отделе кадров под началом Лидии Андреевны давно. Еще с доперестроечных времен. Была еще Оля, но она ушла в декрет. На ее место как раз и взяли Таню Виноградову.

– Лидия Андреевна видит в Тане саму себя, только в сто раз моложе. Вот и хочет привести подобие к идеалу, – сказала Вера Александровна. – Ну или хотя бы человека из нее сделать.

– Ага! Алмаз неограниченный, Пигмалион и Галатея, – фыркнула Лера.

– Никакой я не алмаз, – проворчала Таня. – Мне до Лидии Андреевны как до неба. Ну где я теперь себе шмотки приличные куплю? – И тут она вспомнила про Ирку Федотову и магазин ее родителей.

– Лидия Андреевна права, Танюша, слушайся ее. Если, конечно, не хочешь остаться старой девой. – Вера Александровна тяжело вздохнула, взяла сигарету и вышла.

– Старая дева – это образ жизни! – возмутилась Лера. – От этого никакой прической не спастись. У тебя, Танька, старая дева вот где сидит. – Лера постучала пальцем по лбу.

– Ну, это ты преувеличиваешь, – обиделась Таня.

– Поживем – увидим!

В парикмахерской Таня Виноградова раньше не была никогда. Зачем? Если косицы чересчур отрастали, она подстригала их большими ножницами. Всего делов-то! В салоне красоты на улице Чайковского, куда направила ее Лидия Андреевна, Тане понравилось чрезвычайно. Хоть и в подвале, а красиво. Потолок выложен мелкой плиточкой, а в нем маленькие лампочки, как звезды на небе. И лестница стеклянная.

«Сколько же с меня в этой красоте денег сдерут?» – беспокоилно думала Таня, следуя за администратором в зал, где ее ждала мастер Лидии Андреевны девушка Наташа. Та оказалась очень симпатичной, фигуристой и с эффектной прической, как у рок-звезд из телевизора. Она усадила Таню перед зеркалом и велела расплести баранки. Таня послушно принялась за дело. Когда все было закончено, она тряхнула головой и поглядела на себя в огромное зеркало. Из зеркала на нее смотрела жуткая жуть.

– М-да! – сказала девушка Наташа и задумалась.

– Лидия Андреевна сказала... – начала было Таня.

– Я знаю. – Наташа махнула рукой. – Я с ней разговаривала по телефону.

Она опять задумалась, разглядывая Таню. В зеркало посмотреть на Таню заглянула соседний мастер-парикмахер, чрезвычайно красивая яркая блондинка. Увидев Таню с распущенными волосами, она вдруг засмеялась заразительным хриплым смехом, ткнула Наташу в бок и сказала:

– Богатый материал! Давай, Наташка, не дрейфь. Тут надо чего-то кардинальное придумать. Может, срезать все к чертям? – Она опять захохотала и удалилась из Таниного поля зрения.

Таня испуганно посмотрела на Наташу.

– Ну срезать-то мы не будем, – наконец сказала Наташа. – Волосы у вас хорошие, не особо густые, но мягкие и приятные. Жалко резать.

Таня радостно закивала.

– Однако просто подстричь и оставить как есть нельзя. Во-первых, это уж очень обыденно, а во-вторых, Лидия Андреевна категорически запретила, говорит, вы их опять в косички заплетете. Поэтому будем создавать объем.

– А как? – поинтересовалась Таня. Против объема она ничего не имела.

– Химия.

– Ой!

– Не бойтесь. Вам пойдет. Будете как Барбра Стрейзанд.

Таня не на шутку испугалась. Она совершенно не помнила, какая прическа была у Барбры Стрейзанд, однако прекрасно помнила, что лицо у той далеко не самое красивое. И ей совсем не хотелось быть похожей на Барбру Стрейзанд.

– Может, не надо?

– Хорошо, тогда, как Ким Бэсинджер в «Девяти с половиной неделях».

Этого фильма Таня не смотрела, но твердо знала по словам Ирки Федотовой, что Ким Бэсинджер хорошенькая, и радостно согласилась.

Наташа начала крутить у Тани на голове смешные бигуди, потом Таня сидела, изучая красивые журналы с картинками, и пила кофе, который принесла ей администратор. Чувствовала она себя при этом просто прекрасно. Так бы и сидела дальше как барыня. Особенно ей понравились журналы. В них был совершенно другой, красивый мир. До этого момента Таня таких журналов никогда не видела. Вернее, видела обложки в киосках, да у Ирки Федотовой всегда куча таких была по комнате раскидана, но Таня ими никогда не интересовалась, ведь это не имело никакого отношения к учебе и ее работе.

Потом Наташа мыла Тани голову и ловко орудовала ножницами вокруг нее. Таня смотрела в зеркало и веселилась, глядя на мокрые завитушки своих волос. А вот когда Наташа высушила ей голову, Таня уже веселиться перестала. Волос оказалось много. Они лежали красивой гривой и, как Тани показалось, даже слегка побелели. В зеркале была другая девушка, и Таня никак не могла понять, нравится ей этот новый образ или нет. Наташа тревожно смотрела на Таню, ожидая ее реакции. Таня вертела головой, разглядывая себя, но никакого желания опять заплести волосы в косицы не обнаружила. Это показалось ей чем-то чуть ли не кошунственным.

– Можно еще прическу делать. Вот так. – Наташа подхватила Танины волосы и закрепила их шпилькой.

– Класс! – вырвалось у Тани.

Наташа облегченно вздохнула.

– Еще бы глаза подкрасить, – заметила она.

– Сейчас, – встрепенулась Таня и полезла в сумку за недавно купленной тушью. Она достала тушь и принялась старательно красить ресницы, аж язык высунула. Закончив, осталась очень довольна результатом. – У меня и помада есть! – сообщила она Наташе и подкрасила губы.

Наташа одобрительно кивала.

– Я смотрю, красота-то вернулась! – радостно заметила администратор, когда увидела Таню при выходе из зала.

Таня глянула в зеркало над диванами для посетителей и сказала:

– То ли еще будет!

Однако когда ей назвали цену за красоту, она слегка поперхнулась. Правда, Наташа успокоила ее, сказав, что прическу надо будет, конечно, обновлять, но не так уж и часто.

Таня расплатилась и попросила у администратора разрешения воспользоваться телефоном. Она позвонила Ирке, и та оказалась дома. Услышав Танину просьбу насчет одежды, Ирка обрадовалась и велела срочно приезжать.

В метро по дороге к Ирке Таня обнаружила, что на нее пялятся мужики. Это было впервые и, надо сказать, совсем не раздражало, а скорее наоборот.

Открыв на Танин звонок входную дверь, Ирка присела и ахнула.

– Танька! Ты влюбилась?

– Почему? – удивилась Таня.

– Ты такая красивая! Вот никогда бы не подумала, что ты такая красивая!

– Это меня начальница моя заставила, сказала, что уволит, если я себя не приведу в порядок. Велела еще сменить пионерский гардеробчик.

– Повезло тебе с начальницей. Сейчас чего-нибудь подберем.

Ирка потащила Таню в комнату, которую Иркины родители использовали под склад товаров. Ирка немного поковырялась в коробках и вытащила джинсы, свитер и какую-то курточку. Таня скинула с себя юбку, кофту и блузку и замерла под Иркиным испуганным взглядом.

– Ты чего? – поинтересовалась она у Ирки.

– Таня! Такие трусы я надевала в седьмом классе на физкультуру. Про твой лифчик я вообще не говорю. Чистая порнография. Хорошо, что ты еще майку не носишь.

– Зимой ношу.

– Виноградова, ты, случайно, не на старую деву учишься?

– Ну чего вы все заладили – старая дева, старая дева! Как сговорились. – Таня вспомнила, как Лера стучала себя пальцем по лбу, и ей захотелось расплакаться.

– Ага! Значит, не только я это заметила. Ты еще пореви тут! – Ирка наверняка увидела, как у Тани задрожали губы. – Главное – вовремя все исправить, а не когда тебе тридцать брякнет. У нас, к сожалению, нижнего белья нет, но ты обязательно сходи в любой специализированный магазин и купи там пару лифчиков. Черный и белый. На это денег не жалея, а вот трусы можешь купить в любом крупном универмаге. Тоже черные и белые. И никогда, слышишь, никогда не надевай белый лифчик с черными трусами.

– Почему? – удивилась Таня.

– Черный низ, белый верх – тебе ничего не напоминает?

– Нет.

– Физкультура в младших классах.

– А можно я пока так похожу, а потом, если вдруг свидание, уже надену все культурно?

– Ты правильно сказала, что свидание может organizоваться вдруг! Девушка всегда должна быть готова встретить принца мечты.

– Ты говоришь как моя начальница Лидия Андреевна, – рассмеялась Таня, натягивая джинсы.

– Вот видишь, значит, правильно все говорю. Слушай. И вообще, вдруг ты пойдешь по улице и упадешь, а тебя скорая в больницу без сознания повезет, ну или в сознании. Без разницы. А в больнице начнешь раздеваться, а там такое... Бедные доктора. – Ирка схватилась за голову.

– И чего ты так за докторов волнуешься? У них работа такая. Не хватало еще, чтобы доктора пациентов разглядывали на предмет красоты их трусов!

– А вдруг принц твой мечты – доктор?

– Уговорила, придется зимой в кружевных трусах мерзнуть. Эх, прощайте мои любимые байковые!

Таня надела свитер и поглядела в зеркало, Ирка уставилась на нее с восторгом в глазах.

– Это же совсем другое дело, – сказала она одобрительно и сунула Тане в руки куртку.

Таня накинула куртку и залюбовалась. И правда, оказывается, что она красавица. Надо же, как джинсы меняют человека. Вон какие ноги длинные, почти как у Ирки. Таня с тоской посмотрела на свою юбку в складку, валявшуюся на полу.

– Ирка, сколько это все стоит? Я теперь прилично зарабатываю. Относительно, конечно. – Таня никак не могла оторваться от зеркала.

Ирка назвала какую-то совершенно смешную цену.

– Врешь. Такого не может быть. Это ты специально, чтобы я взяла.

– Ничего не вру. Это по себестоимости. Предки мои в магазине потом еще наворачивают, иначе невыгодно. Но я же не буду на подруге наживаться! Ты чего?

Таня полезла в кошелек и очень обрадовалась, что у нее оказалась требуемая сумма.

– Тебе еще надо бы обувь приличную, – сказала Ирка, рассматривая Танины полусапожки.

– Ирка! Я теперь понимаю, что мне еще много чего надо, но не все сразу. С меня в парикмахерской знаешь сколько взяли?

– Да сколько бы ни взяли, если ты после этого на человека похожа стала, вернее, на настоящую красотку. Берегись, мужики!

– Не мужики, а принцы! – Таня рассмеялась. Как же хорошо-то с Иркой. Она уже и забыла. Все работа да учеба, а на подругу времени совсем не осталось.

В понедельник, когда Таня пришла на работу, отдел кадров в полном составе замер.

– Ну это же совсем другое дело! – радостно сказала Лидия Андреевна. – Вот только боты поменять надо.

– Со временем обязательно, – согласилась Таня. – Спасибо вам, Лидия Андреевна. У меня такое ощущение, будто вы меня из детства выдернули.

– Танька, ты и в самом деле красавица, как только Лидия Андреевна разглядела, – со вздохом сказала Лера. – Только не забывай про то, что у тебя в башке. Чтобы внутреннее содержание соответствовало твоей замечательной внешности.

Таня подскочила к Лере и чмокнула ее в щеку.

– У меня еще лифчик новый и трусы, – зашептала она, вращая глазами.

– Ну тогда я за тебя спокойна, – расхохоталась Лера.

А вечером на занятиях к ней в университетском коридоре подошел ну чистый принц со старшего курса дневного отделения. Таня стояла у окна и читала конспект, готовясь к семинару.

– Есть хочешь? – услышала она из-за спины просто сказочно волшебный низкий мужской голос.

От этого голоса у Тани даже мурашки по спине поползли. Она, разумеется, не подумала оборачиваться, ведь такого же просто не могло быть, чтобы человек с волшебным голосом обращался непосредственно к ней. Она продолжила листать конспект, борясь с искушением все-таки посмотреть, как выглядит обладатель замечательного голоса.

– Икра красная, икра черная и даже заморская баклажанная будет, – вкрадчиво продолжал волшебный голос.

Таня сразу же вспомнила, что пообедать не успела, она сглотнула слюну и обернулась. Голос принадлежал настоящему принцу и явно был не единственным его достоинством. А кроме того, принц обращался именно к Тане.

– Не поняла, – удивилась Таня.

– Белов Саша, – сообщил принц, и Таня опять почувствовала мурашки на спине. – С режиссерского. У меня корпоратив сегодня, и там будет очень приличный фуршет. Я всегда на корпоративах отлично подъедаюсь.

– Повезло, – позавидовала Таня. – А я на библиотечном. У нас ни корпоративов, ни фуршетов.

– Вот и пойдем со мной. Я пока публику развлекать буду, ты как раз и поешь.

– Неудобно.

– Почему это?

– А мне надеть нечего, – честно призналась Таня.

– И не надо. У них все в офисе, в рабочем порядке. Праздник по поводу запуска какого-то объекта. Прямой телемост с объектом, ура, ура, слава героям труда!

– А чего они объект этот на ночь глядя запускают?

– Они его не тут запускают, а там где-то. – Принц Саша Белов махнул рукой куда-то в сторону, где, по мнению Тани, находился бескрайний космос. – Сдвиг по времени и все такое прочее. Ну, решайся.

– У меня семинар вообще-то...

– Тю, а рябчики как же? Пусть простынут?

Таня опять сглотнула слюну.

– Хорошо, пойдем, – согласилась Таня, запихивая конспект в сумку. Впервые в жизни решила она на совершенно, по ее мнению, безумный поступок.

– Отличненько. – Принц Саша Белов взял Таню за руку и поволок за собой.

Да уж! Таня Виноградова даже и не представляла, что на корпоративной вечеринке кормят лучше, чем в ресторане. Правда, она и в ресторане-то никогда не была, но то, что предлагалось на этом фуршете в качестве закусок, Таня видела только в кино. Икры черной и заморской

баклажанной, однако, не было, зато красная зазывно краснела со всех концов стола. Хоть ложкой ее ешь. Ведущий вечера принц Саша Белов успешно веселил публику, сотрудники представляли номера своей самодеятельности, популярный в прошлом эстрадный певец исполнил несколько песен, а потом начались танцы. Таня уплетала фуршетные деликатесы за обе щеки. Особенно ей понравились корзиночки с салатом оливье. Периодически к ней подлетал принц Саша Белов, тоже запихивал в рот разную снедь, подливал ей шампанское и обворожительным голосом шептал что-то на ухо. Что он там шептал, Таня из-за музыки никак не могла расслышать, но улыбалась ему сытой блаженной улыбкой и кивала. Вот если б еще так спать не хотелось. От еды и шампанского Таню разморило. Она прислонилась к стеночке и наблюдала за танцующими. В основном ее интересовало, как одеты офисные дамочки. Некоторые детали их одежды ей очень понравились, и она постаралась их запомнить.

– Девушка, а пойдете-ка потанцуем, – вдруг обратился к ней красивый импозантный мужчина из начальства. – А то вы сейчас совсем заснете.

Таня не раз уже ловила на себе его взгляд от стола, который был накрыт специально для большого начальства. Танцевать Тане совершенно не хотелось, но ей неудобно было отказаться. Она ж вон сколько всего съела.

Мужчина повел Таню к танцующим, нежно обнял за талию, и они начали медленно перемещаться по кругу. Находиться в начальственных руках было приятно.

«Наверное, он тоже принц, – решила Таня. – Принц – начальник».

Сон как рукой сняло.

– А ведь вы же не у нас работаете? – спросил принц-начальник.

– Нет. Я в домостроительном комбинате, в отделе кадров. И учусь в Кульке на вечернем. А тут я с Сашей Беловым, он с режиссерского. Он сказал, что ему можно в двух лицах.

Принц-начальник рассмеялся.

– А на кого учитесь? На персональщика?

– Почему? Я на библиотечном.

– Ну, я просто подумал, что раз в отделе кадров работаете, значит, и учитесь на персональщика.

– Нет. Я даже не знаю, кто это такой!

– А зря. Управление людскими ресурсами вещь очень важная, интересная и перспективная. Советую вам серьезно подумать на эту тему.

– Спасибо.

Музыка закончилась, и принц-начальник отвел Таню на ее место у стеночки. Тут же к ней подскочил принц Саша Белов. Он налил ей и себе шампанского и сказал:

– Ну все. Вечеринка подошла к концу. Со мной рассчитались. Валим, а то ты у меня совсем уже носом клюешь.

Он ткнул бокалом Тане в нос и залпом выпил шампанское. Таня захихикала и последовала его примеру.

– И хмыри разные в дорогих костюмах к девушке моей подкатываться начали.

Таня испуганно стала оглядываться в поисках его девушки, а потом сообразила, что принц Саша Белов имел в виду ее, Таню Виноградову. Таня вспомнила Лерку и хитро ухмыльнулась.

Принц Саша Белов поймал такси, усадил в него Таню, загрузился сам и спросил у Тани адрес. Таня послушно назвала свою улицу и дом. К тому моменту, когда они подъехали к Таниному дому на Таврической улице, принц Саша Белов всю уже целовал Таню Виноградову и прекращать это занятие не собирался. Тане целоваться с принцем очень понравилось. Правда, в процессе этого целования она иногда подумывала, а как бы это все было с принцем-начальником. Так с поцелуями они и очутились на кровати в Таниной комнате, где Таня добрым словом помянула Ирку Федотову с ее лекцией о нижнем белье и внезапных свиданиях, хотя

принцу Саше Белову было совсем не до разглядывания ее красивого лифчика и кружевных трусов. Таня не стала покупать дешевые трусы в универмаге, а раскошелилась на самые красивые в магазине нижнего белья.

Последней мыслью, посетивший Танину теперь такую красивую голову, было: «А всего-то только сменила прическу, и сразу же, пожалуйста, прогул, пьянство и потеря девственности!»

– Как тебя хоть зовут, прекрасная незнакомка? – спросил у Тани ее принц утром, когда они проснулись от рева Таниного будильника.

Таня захохотала. Ведь действительно за весь вечер он у нее так и не спросил ее имени.

– Секрет, – сказала Таня. – Я буду инкогнито. Кстати, мне нужно на работу, а тебе пора выметаться.

* * *

После отмены школьной формы благодаря папиным усилиям на ниве торговли иностранными шмотками Ирка Федотова стала наряжаться как топ-модель из модного журнала. Ну так к окончанию школы и фигура у нее тоже стала как у той самой топ-модели. Ирка вытянулась и похорошела. Ноги у нее и вовсе стали бесконечными. Вот вам и глиста во фраке! Так Ирку дразнили с самого глубокого детства и практически до старших классов. Соответственно, на мальчиков из родной школы Ирка тоже, как и Таня, никакого внимания не обращала, правда, совсем по другой причине. Ирка справедливо считала, что среди них вряд ли может оказаться иностранный принц. Тем более американский.

От своей мечты она отказываться не собиралась, поэтому поступила в университет на филологический факультет, чтобы при встрече с принцем разговаривать с ним на одном языке. Пока принца у Ирки на горизонте не было, она усиленно штудировала языки и иностранную литературу, мечтая попасть на стажировку за границу, где проживают настоящие принцы. А уж там-то они от Ирки и ее сказочной красоты никак не отвернутся.

По вечерам она помогала матери в магазине. Отец уже плотно занимался исключительно закупкой и доставкой товаров, у него открылся неожиданный вкус и нюх на модные вещи. Все зарабатываемые семьей деньги шли на развитие бизнеса. Родители копили деньги на второй магазин. Они считали, что рыночный и ларечный бизнес – явление временное, и будущее принадлежит серьезной сети магазинов для среднего класса, где будут представлены вещи солидных марок, а не китайский ширпотреб. У Ирки особого интереса к торговле не было, но ей нравились красивые вещи, и она могла безошибочно определить и посоветовать, что пойдет покупателю, а что нет, поэтому мама всегда радовалась Иркиной помощи. Когда Ирка работала в торговом зале, выручка магазина взлетала до потолка. С этой выручки мама обязательно платила Ирке процент, как и другим продавцам, поэтому кое-какие деньги у Ирки всегда водились. В институте она новых подруг себе не завела, Таня жила теперь в центре, и Ирка по ней скучала. Встречались они очень редко. Сказывалась постоянная Танина занятость на работе и в институте. Вот уж действительно отличница! Даже в таком примитивном институте, каким, по мнению Ирки, был Кулек, и то ухитряется прилежно посещать все занятия.

Принц в Иркиной жизни появился совершенно неожиданно. И совсем не из заграницы, а из метро. Он ехал по эскалатору навстречу Ирке. Увидел ее, ахнул и перепрыгнул на ее эскалатор. Вся публика конечно же изумилась, а больше всех изумилась Ирка. На выходе из метро принца даже попытался задержать изумленный милиционер, но принц что-то такое ему сказал, что милиционер рассмеялся и погрозил ему пальцем. А принц пошел за Иркой и всю дорогу рассказывал ей разные смешные истории. Ирка хохотала и у родного парадного даже испугалась, что вот-вот описается от хохота. Она распрощалась с принцем и убежала, еле успев добежать до туалета, и переживала потом, что не дала такому веселому парню своего телефона.

А утром, когда Ирка поехала в институт, принц как ни в чем не бывало подждал ее около дверей парадного.

- Привет, я Игорь, – представился он, улыбаясь широко и белозубо.
- Привет, а я Ира, – улыбнулась Ирка в ответ. Она очень обрадовалась, увидев его снова.
- Здорово! Игорь и Ира – подходящие парные имена.
- Нет, парные – это Ира и Юра.
- А что, есть Юра?
- Юры нету. Это в принципе.
- В принципе не считается. Есть Игорь. Значит, для Иры парное имя – Игорь. Остальные

исключаются.

- Хорошо, – покладисто согласилась Ирка.
- Сейчас куда? – поинтересовался Игорь.
- На учебу. Я на филологическом в универе.
- Будешь специалистом по иностранной болтологии?
- Ага.
- Прогулять нельзя?
- Обычно можно, но только не сегодня. Сегодня зачет.
- А вечером?
- Вечером маме в магазине помогаю, но это прогулять можно.
- Отлично. Вот два билета. – Игорь достал из бумажника билеты и протянул их Ирке. –

Встречаемся у ДК Ленсовета. Там премьера нового спектакля Виктюка. В девятнадцать ноль-ноль начало. Идет?

- Идет. А почему ты билеты мне отдаешь?
- Чтобы не потерять. Я иногда очень рассеянный бываю. Все, пока, я побежал. – Он потянулся, чтобы чмокнуть Ирку в щеку, но она увернулась.

Конечно, этот Игорь ей очень понравился, но она же про него совершенно ничего не знает. Она-то ему рассказала, чем целыми днями занимается, а он о себе, кроме имени, вообще ничего не сказал. Да еще болтается в рабочее время по городу. Очень подозрительно. Она строго посмотрела на него и сказала:

- До вечера.

Игорь тяжело вздохнул, махнул рукой и побежал к автобусной остановке. Ирка с гордо поднятой головой отправилась в сторону метро.

После зачета, сданного на ура, она поехала домой и долго вертелась перед зеркалом. Ей хотелось поразить нового знакомого в самое сердце. Наконец она нарядилась и поехала на Петроградку к Дворцу культуры имени Ленсовета, поражая в самое сердце всех мужчин, встреченных в общественном транспорте по пути своего следования. Ко входу в ДК Ирка подъехала за пятнадцать минут до начала. По примеру Тани Виноградовой она теперь категорически не любила опаздывать и терпеть не могла, когда это делали другие. Игоря нигде не было видно. У входа толпились желающие купить лишний билетик. Ирка даже не могла предположить, что спектакль пройдет при полном зале. К ней несколько раз подходили люди с одухотворенными лицами завязанных театралов и спрашивали лишний билет. Ирка рассматривала принаряженную публику и недоумевала, почему они не позаботились о билетах заранее? Игоря все не было, и Ирка уже подумывала о том, не продать ли ей билеты и не поехать ли на работу к матери в магазин. Потом с третьим звонком она решила, что наряжалась не зря, и отправилась в зал, предъявив на входе два билета. На своем месте она обнаружила парочку влюбленных халявщиков, пересевших с галерки на Иркины хорошие места в третьем ряду. Ирка в силу своего не самого доброго настроения рявкнула на них так, что они быстро смотали удочки. Когда в зале погас свет, на пустующее место Игоря плюхнулась упитанная тетка. Ирка рыкнула и на нее.

- Вы что, девушка, на двух местах сидеть будете? – ядовито зашипела тетка в ответ.

Ирка помахала перед ее носом билетами:

– Да хоть на трех, я заплатила!

Тетка недовольно уползла куда-то в темноту, а Ирка поставила на пустующее рядом место свою сумку.

Ирке хотелось плакать, и она поначалу не совсем понимала, что происходит на сцене, но потом все-таки увлеклась сюжетом. К антракту Ирка уже радовалась, что не уехала домой, и старалась не думать о странном Игоре. Она отправилась в буфет и купила там себе бокал шампанского и бутерброд с красной икрой, решив получить от вечера максимум удовольствия. Она съела бутерброд и, попивая шампанское, разглядывала курильщиков за высокой стеклянной стеной. Вот если бы она курила, тоже стояла бы там, с умным видом пыхтя сигаретой. Да, сигарета бы ей не помешала. Говорят, сигареты помогают, когда хочется плакать. А хочется ли ей уже плакать? Обидно, конечно, что ни говори, но правильно, что она не дала этому типу поцеловать себя в щеку, а то было бы еще обиднее. Ирка допила шампанское, поставила бокал на столик и отправилась в зал. На свободном месте Игоря нагло восседал какой-то мужик.

– Здесь занято, – сказала Ирка, усаживаясь рядом.

– Неправда, я видел, что здесь свободно.

Ирка достала из сумочки билеты и предъявила их мужику.

– Я могу купить у вас билет за полцены, – сообщил мужик, внимательно разглядывая билеты.

– Почему за полцены?

– Ну, во-первых, билет уже рваный, а во-вторых, половина спектакля уже прошла.

– Не продается, – строго сказала Ирка. Скорее всего, уже из вредности, так как слова мужика были весьма справедливы.

– Ну и зря. – Мужик встал и ушел.

Ирка посмотрела ему вслед и подумала, что погорячилась. Мужик был вполне даже симпатичный и вроде совсем неглупый. Она досмотрела спектакль до конца и получила массу удовольствия, даже домой ехала с улыбкой на лице.

Наутро Игорь как ни в чем не бывало ждал ее на выходе из парадного с какой-то коробкой под мышкой.

– Привет, – сказал он, преграждая Ирке дорогу.

– Спектакль мне понравился, – сказала Ирка, пытаясь обойти его.

– Ир, не обижайся. Я не смог, – заканючил Игорь. Он попытался взять Ирку за руку.

Она отдернула руку:

– Знаешь, приличные люди так не поступают. – Ирка посмотрела ему прямо в синие совершенно бесстыжие глаза.

– Я приличный!

В глазах у Игоря прыгали веселые чертики, и Ирке расхотелось на него злиться. Действительно, а вдруг и правда не смог?

– Смотри, я тебе телефон купил!

– Зачем это?

– Если б у тебя был вчера телефон, то я бы позвонил и предупредил, что не смогу!

– Ты знал заранее, что вряд ли сможешь, поэтому и отдал мне два билета!

– Я очень надеялся, что смогу. Правда! На вот, посмотри, какая штука хорошая. – Он вытащил коробку из-под мышки и сунул ее Ирке.

Коробка была красивая и тяжелая. Ирка открыла ее и ахнула. Мобильник! Как у папы. Папа недавно такой купил. Ему для бизнеса просто необходим.

– Это ж дорого! – Ирка подозрительно посмотрела на Игоря и сунула телефон ему обратно. – Ты что, украл?

– С коробкой и документами? Там и сим-карта есть.

– Это что такое?

– Такая штука, она вставляется в телефон. Без нее он не работает. А они только при предъявлении паспорта продаются. Я все подключил и зарядил, можешь пользоваться. Только вот пин-код запиши себе куда-нибудь.

– А это еще что за зверь?

– Это типа пароля, если телефон выключится. Ну разрядится, или еще чего. Ты его включишь, а он у тебя этот пароль спросит.

– А менты не спросят, откуда у меня телефон?

– Не спросят. Он на тебя записан.

– Как это?

– Так. Там в документах все указано.

Ирка достала из коробки документы на телефон и увидела свою фамилию, адрес и паспортные данные. Она вытаращила глаза и уставилась на Игоря:

– Ты откуда это все узнал? И паспорт, и адрес мой, и фамилию?

– Ну, я это... сам в милиции работаю.

– Ты мент?

– Ну да!

– Все, забирай. – Ирка сунула документы обратно в коробку с телефоном и протянула ее Игорю. – Мне родители не разрешают с ментами встречаться.

– Ир, кончай вредничать. Я ж не простой мент, а из управления!

– Из какого еще управления?

– По борьбе с организованной преступностью.

– Врешь!

– На, читай. – Игорь достал из кармана и протянул Ирке удостоверение.

Она сунула коробку с телефоном под мышку и открыла книжечку.

– Котельников Игорь Станиславович, – по слогам прочитала она. – Красиво! Так, что тут дальше? Ага, организованный преступник! Нет, борец. Что-то я не поняла.

– Прикалываешься? – Игорь забрал у Ирки удостоверение.

– А откуда у тебя деньги, борец? – ехидно поинтересовалась Ирка. – Организованных преступников грабишь?

– Это секретная информация!

– Знаю я вашу секретную информацию. Организованные преступники внедряются в ряды борцов, а потом борются сами с собой. И так на всех фронтах. В ОБЭПе экономические преступники засели, а в УБОПе – организованные! Дикий капитализм. – Ирка вздохнула. – Все страны через это проходили.

– Это тебя в твоей иностранной болтологии научили?

– Угу. И в иностранной фильмографии. «Крестный отец» и все такое. Ладно, так и быть. Телефон я у тебя возьму. Уж очень хочется. Но, зараза, какой тяжелый!

– Это там еще зарядное устройство. Его надо домой отнести, чего с собой таскать?

– Хорошо. Подождешь меня или опять помчишься?

– Подожду. У нас организованные преступники еще спят в это время. Они обычно к вечеру активизируются.

Ирка пошла домой. Она отнесла коробку к себе в комнату. Когда она вынимала телефон, тот вдруг зазвонил.

– Ну? – спросила Ирка, прижимая трубку к уху.

– Не «ну», а «алло». Надо говорить «алло», – сказал Игорь из телефона.

– Третий, третий, как слышите меня? Прием!

– Слышу вас хорошо.

– А почему третий? – поинтересовался Игорь, когда Ирка вышла на улицу.

– Так просто.

– А я уж было подумал, что я третий. Первый был в школе, второй на факультете болтологии, а я вот третий.

– Нет. В школе первого не было. Там все какие-то мелкие были и неинтересные. На факультете болтологии второго тоже не было. Там вообще никого нет. Ни первого, ни второго, ни третьего. Так что ты получаешься первый.

– Ура! Я первый.

– В смысле, первый знакомый мне мент, – поправила Ирка многозначительно.

На купейном столике расположилась немудреная закуска. Все то, что обычно бывалые пассажиры поездов дальнего следования берут с собой. Сваренные вкрутую яйца, молодая картошечка в мундире, огурчики, помидорчики и конечно же куриные ноги. Ноги выглядели сочными и распространяли вокруг одуряющий запах. Натюрморт дополняло небольшое блюдечко с солью, куда предполагалось макать яйца и картошку. Тут же, среди всей этой вкусноты, слегка подрагивал от движения поезда в пространстве горячий чай в стаканах с подстаканниками. Чай с аккуратным кружком лимона всем своим видом показывал, что он сладок и горяч. Колеса пели всем известное «тра-та-та», а за окном чернела южная ночь и лишь изредка мелькали какие-то огоньки.

– Определенно она должна быть красивая. – Юрий с чувством вгрызся в аппетитное куриное мясо. – Интересно, почему я вам это все рассказываю?

– А кому еще вы это можете рассказать? – Лицо соседа по купе выражало крайнюю степень изумления. – Я же Собеседник. Профессиональный.

Юрий с этим доводом почему-то сразу же согласился, взял любезно предложенную Собеседником салфетку, вытер лицо и руки и с удовольствием принялся за картошку. Собеседник пил чай и задумчиво грыз какую-то сушку.

– Психолог, что ли? – все-таки на всякий случай поинтересовался Юрий.

– Где-то так. – Собеседник неопределенно помахал рукой. – Ну и?.. Красивая – и все?

– Это уже немало, – заметил Юрий.

– Но красивая-то у вас уже была. – Собеседник проявил странную осведомленность, но потом добавил: – Наверное...

– И не одна, – рассмеялся Юрий, запихивая в рот огурец. Огурцы ему особенно понравились. Маленькие, все в пупырышках и хрустящие, как в детстве у бабушки на грядках. Господи, как же давно он не ел таких огурцов!

– Ну раз в данный момент никакая красивая не сидит здесь рядом с нами, значит, вам все-таки в красоте чего-то не хватает, – продолжал гнуть свое Собеседник.

– Конечно! Мне нужна такая. – Юрий зажмурился. – Знаете, сильная, что ли... Чтoб не капризничала и не ныла чуть что.

– В смысле, которая на скаку остановит горячую избу? – уточнил Собеседник.

Юрий расхохотался:

– Наверное.

– А вы будете из-за ее спины выглядывать? Или гоголем вокруг нее вышагивать?

– Нет. Я ее буду защищать. – Юрий прижал руки к груди, показывая, как он будет защищать эту сильную и красивую.

– Она же сильная! Чего ее защищать?

– Надо. Сильным особенно защита нужна. Она не от хорошей жизни сильная, – не согласился Юрий.

– За это надо выпить. – Собеседник крякнул и достал откуда-то поллитровку.

При виде этой бутылки глаза у Юрия сами собой полезли на лоб. Это был настоящий раритет. Сейчас таких точно не делали.

– Где взяли? – поинтересовался он у Собеседника.

Тот моргнул глазами, глядя куда-то в потолок, и многозначительно произнес:

– Из закровов родины.

– Из закровов – наливайте! – тут же согласился Юрий. Вообще-то водку он не любил и пил ее только в редких случаях, за компанию. Но только за очень хорошую компанию. Сейчас, похоже, был именно тот случай.

Собеседник достал из дорожной сумки маленькие, чрезвычайно красивые металлические стопочки.

– Никак серебро? – удивился Юрий.

– Для благородного напитка – только благородная посуда, – с пафосом в голосе провозгласил Собеседник, разливая водку по стопочкам.

Они выпили, и по телу Юрия разлилось удивительное тепло.

«Надо же! Вот никогда бы не подумал, что водка может быть такой вкусной. Хотя, наверное, тут все в целом. И закуска, и приятный собеседник». Юрий посмотрел на соседа. Тот ничем особенным не отличался. Так, мужичок лет пятидесяти, лысый и упитанный.

– Ну хорошо! – сказал тот, закусывая водку помидорчиком. – Сильная, красивая. А если вдруг дура?

– Нет! Ни в коем случае! Что вы? От дуры у меня моментально несварение случается. Была у меня одна. Я шучу, а она в лучшем случае глаза таращит, в худшем – начинает обижаться! Я ей говорю: «Ты дура!» – а она не соглашается, говорит, что у нее просто нет чувства юмора.

– О! Эти самые страшные. А если еще к тому же красивые и сильные, то просто беда! Я одного знал, умнейший дядька. Просто умнейший. Да еще красавец, балагур и весельчак. Рубаха-парень. Улыбка на пол-лица. Влюбился он без памяти в такую вот, как вы сейчас говорите. С виду так и вовсе Софи Лорен, а кроме того карьеристка просто упертая. Мозгов с гульки-нос, но задница свинцовая. Трудолюбивая баба, тут уж ничего не скажешь. Так она того бедолагу просто в бараний рог свернула. Зачах, а потом и вовсе помер. – Собеседник достал большой носовой платок и высморкался.

Юрию даже показалось, что на глазах у мужика сверкнули слезы. Похоже, с родственником беда такая приключилась. Может, с братом? Или, не приведи господь, с сыном?

– Надо бы повторить. – Юрий сам разлил водку по стопкам.

– Надо. – Собеседник, не чокаясь, опрокинул стопочку в рот.

Юрий последовал его примеру. Когда выпивают за покойников, никогда не чокаются. Это он знал хорошо.

– Согласитесь, мы все-таки уже имеем некий портрет, – заметил Собеседник, макая картошку в соль. – Красивая, сильная, умная. И, наверное, молодая? Лет восемнадцати? – Он игриво подмигнул Юрию. Будто и не горевал сейчас только что о своем покойном родственнике.

– Зачем? Я ж ее не удочерять собираюсь, а жениться. Дочка у меня уже есть. Серафима.

– Интересное имя. Старинное.

– Это в честь бабушки.

– То есть жена ваша будущая должна быть вашей ровесницей. Вам сколько? Лет сорок?

– Сорок два. Нет, пусть слегка помоложе будет. Я б еще детишек хотел. Сына, например. Хотя сейчас и в сорок рожают.

– Ну пока то да се. Встретитесь пока, потом цветочки, рестораны, концерты и выставочные залы, потом родственнички, ЗАГС. Глядишь, а рожать-то уже и поздно. Нет, рожать, конечно, никогда не поздно, но потом же еще на ноги дите поставить надо. Так что пусть уж лучше помоложе будет.

– Но ненамного! Чтоб интересы общие были. А то у меня приятель один влюбился в няню своих внуков.

– В нянечку? – Брови Собеседника поползли вверх.

– Ну не совсем в нянечку, скорее бекиситтера. Знаете, студенты иногда подрабатывают? С детьми сидят, пока их родители по гостям шастают. Приятель мой к дочери заехал без приглашения. То ли со связью проблемы были, то ли телефон разрядился. Приехал, а там она.

– Нянька?

– Бекиситтер. Вот. Сразу влюбился. Бесповоротно. У него очки аж набок съехали. Большой был скандал. Даже от жены ушел. Но потом приполз назад как миленький. Интересов-то общих – ноль! Ну какие общие интересы, когда она ему в дочери годится? Недавно памперсы сняла, ей еще все в новинку. Так что обязательно надо, чтобы интересы общие были.

– За сказанное. – Собеседник наполнил стопки и взял очередную куриную ножку.

Юрий последовал его примеру.

Чокнулись. Выпили. Закусили курицей.

– Эх, до чего же хорошо! – признался Юрий.

– Это точно, – согласился Собеседник. – О! – Он хлопнул себя по лбу, – Вот дурья башка, про колбаску-то забыл!

Собеседник нырнул куда-то под стол и достал круг копченой колбасы.

– Вот! Угощайтесь, краковская, – с гордостью сообщил Собеседник, нарезаая колбасу толстыми кусками. – Ее еще и ломать можно. Так особенно вкусно, но мы ж культурно сидим, еще измажемся.

– Краковская? – удивился Юрий. – Неужели из самого Кракова? Я такую никогда не ел.

– Да что вы! Обязательно попробуйте.

Юрий взял в руку кусок колбасы. Колбаса пахла невозможно вкусно. Чесноком и еще чем-то очень приятным. Во рту навернулись слюни. Юрий откусил весьма приличный кусок и обомлел. Ему показалось, что никогда в жизни он не ел ничего вкуснее.

– М-м-м-м! – только и смог промычать он, доедая кусок такой чудесной колбасы.

– А как насчет вредных привычек? – спросил Собеседник.

– В смысле?

– Ну курение там, алкоголь?

– Все должно быть в меру и без вреда для здоровья. Знаете, женщины, свихнувшиеся на своем здоровье и фигуре, меня как-то не вдохновляют. Бессолевыe диеты, паровые котлеты, пророщенные зерна. Бр-р-р! Как вспомню, так вздрогну. Давайте еще по граммულке?

– Давайте, – согласился Собеседник и налил им обоим водки. – Я смотрю, у вас богатый опыт.

– Ага! – Юрий чокнулся с собеседником. – За опыт!

Выпили.

– Была у меня одна. – Юрий отправил в рот очередной шмат колбасы и добавил к нему огурчик. – Фифа невозможная. Не пила, не курила, бегала по утрам, километры наматывала. Ох, как же я измучился! То не ешь, это не ешь. Курить бросай. Пить вредно!

– Но пить-то действительно вредно!

– Главное – не увлекаться. Как в любом другом деле. Кто-то в запой уходит, а кто-то в социальные сети. Там маньячит. Или с утра до вечера инопланетян расстреливает и мир спасает. И если в паре один курит как паровоз, а второму от этого вешалка, то недолго такая пара продержится. Так что мне надо, чтобы будущая моя жена курила и пила в меру. Примерно как я.

– Хорошо. Тут я с вами полностью согласен. Бывает, люди настолько увлекаются какой-нибудь теорией, что совершенно слетают с катушек. Вот сыроеды, например. Есть у меня пара знакомая. Отличные ребята. Они, правда, ежели чем увлекаются, то обязательно вместе. И

вот увлеклись они как-то сыроедением. С утра до вечера морковки и свеклы трут, соки выжимают, капусткой похрустывают. Сами собой довольные и всех вокруг стараются в свою веру завлечь. И самочувствие-то у них улучшилось, и помолодели-то они, и постройнели. Но тут уж что да, то да. Врать не буду. Определенно постройнели. Долго ли, коротко ли... Хотя скорее коротко. Обнаружил наш сыроед, глава семьи, что писает он кровью. Перепугались наши сыроеды. Вызвали скорую. Скорая приехала, увидела такое дело и повезла сыроеда в больничку. В больничке доктора сразу забегали и первым делом взяли у сыроеда анализ мочи. – Во время своего рассказа Собеседник очистил яйцо, а теперь макнул его в соль, откусил и изобразил на лице блаженство.

Юрий ему тут же поверил, потянулся за яйцом и стал его чистить. Яйцо чистилось хорошо. Юрий макнул его в соль и тоже отправил в рот. Тут же языку потребовался свежий огурчик. Ну до чего же вкусно! Не то что сыроедение.

– И что дальше? – Юрий потребовал продолжения рассказа.

– А дальше... Сидит наш сыроед ни жив ни мертв, мысленно с жизнью прощается, страдает, что дела у него незавершенные остались. Жена его за ручку держит и слезами умывается. Переживает, что поздно они сыроедением увлеклись. Небось если б раньше, то такая беда с ее супругом ни за что бы не случилась. И тут приходит к ним доктор. Важный, в больничной робе, ну знаете, они сейчас не в белых халатах, а в синеньких или зелененьких костюмчиках. Говорят, на таких костюмчиках крови не видно. Врут как всегда. Так вот, сыроеды мои на этого доктора прям с мольбой смотрят. Ждут страшного диагноза, а доктор так строго и говорит: «Мочи, молодой человек, в вашей свекле не обнаружено!»

При этих словах Собеседника Юрий чуть не поперхнулся яйцом.

– С тех пор ребята эти про сыроедение напрочь забыли. Но все равно периодически то одним, то другим увлекаются. То соли какие-то жрут, то траву волшебную.

– За анализы? – спросил Юрий, разливая остатки водки.

– За своевременные.

Чокнулись. Выпили.

– Итак. Подведем итоги – красивая, сильная, умная, нормальная (в смысле привычек). Все? – спросил Собеседник. – Такие есть, конечно. И не одна. Как именно свою узнаете?

Юрий задумался.

– Добрая!

– Это как? Собачек лечит?

– Нет. Жалеет. Живая такая, веселая, великодушная, на язык острая. Но не такая острая, как язва сибирская, а добрая опять же. Знаете, есть такие, что ради красного словца не пожалеют и отца.

– Да уж! Знаю я одну такую. И красивая, кстати, и сильная, и умная, а язык – что твоя бритва. Как полоснет, мама не горюй. Главное, и сама понимает, что не дело это, но ничего с собой поделать не может. Я, говорит, сама не своя делаюсь, ежели мужика не припечатаю. Так до сих пор одна и живет.

– Бедная женщина.

– Ничего не бедная. Ядовитая она, как гадюка. Это по молодости она только мужиков своим ядом калечила. Мужик ведь существо ранимое. У него от встречи с такой гадюкой не только расстройство может приключиться, но и комплексы организуются на всю жизнь. А с возрастом дамочка эта за родственничков и подруг принялась. Это уж чтобы точно вокруг никого не осталось.

– И живет она теперь посреди леса в избушке на курьих ножках? – догадался Юрий.

– Почти. Ну хорошо, в общем и целом понятно. Но как узнаете-то ее?

– Я свою узнаю. Обязательно.

– Ну да! А вдруг она все сорок два года где-то рядом с вами ходила?

– Нет. Исключено. Я бы узнал. Она высокая должна быть. Тоненькая.

В купе заглянула проводница.

– Наш самолет совершил посадку в аэропорту города Хельсинки. Температура в аэропорту плюс шестнадцать градусов Цельсия. Командир корабля и экипаж прощаются с вами, – сообщила она на чистейшем английском языке.

Юрий вздрогнул и огляделся. Он сидел пристегнутым в кресле салона бизнес-класса, справа от него какой-то лысый мужик копошился со своим ремнем, который никак не хотел расстегиваться.

– Ну вот, а там еще немного, и Прованс! – Мужик наконец справился с ремнем и улыбнулся Юрию.

«При чем тут Прованс?» – подумал Юрий, тоже освобождаясь от ремня безопасности.

– Отличный пилот – счастье пассажирам, – добавил мужик, вставая и потягиваясь. На вид ему было лет пятьдесят, и был он в меру упитан. Точь-в-точь как Собеседник.

«Привидится же такое!» Юрий следом за мужиком вылез из кресла, потянулся и достал свой кейс. При этом на языке он почувствовал отчетливый вкус той самой краковской колбасы. Юрий провел языком по зубам и с удивлением обнаружил там застрявший малюсенький кусочек пищи. Сомнений не осталось. Это была именно краковская колбаса.

В аэропорту он поймал такси и решил поехать не на вокзал, а в свой любимый маленький отельчик. Хватит с него и десятичасового перелета из Нью-Йорка. Вон уже чертовщина какая-то мерещится. Смена часовых поясов нешуточная. Надо прийти в себя. В Питер можно поехать и завтра, тем более что на носу выходные, а на работе его ждут только в понедельник.

В отеле, еще не испорченном жителями Питера, места нашлись в ассортименте. Он отнес багаж в номер, принял душ, переоделся и спустился в ресторан. Поваром в отеле работал бельгиец, и кухня была выше всяких похвал. Однако, открыв меню, Юрий понял, что сыт. Вспомнилась картошка в мундире, вареные яйца, куриные ноги, краковская колбаса, водка и бабушкины пупырчатые огурчики. Было это или не было на самом деле, неизвестно. Скорее всего, не было. Но Юрий был сыт, и с этим фактом никак не поспоришь. Хотя, может быть, его так сытно накормили в самолете? Нет, вряд ли. После самолета у Юрия обычно просыпался волчий аппетит. Он со вздохом закрыл меню и отправился в бар. Вино он решил на всякий случай не пить. А вдруг действительно он странным образом пил эту водку? Тогда от бокала вина его развезет. А вот выпить ему хотелось, поэтому он заказал себе у бармена виски. Так со стаканом он и просидел по меньшей мере час, разглядывая за окном прохожих в сером финском вечере. Белые ночи не за горами, и темнеет сейчас совсем поздно. К этому Юрий до сих пор никак не мог привыкнуть. И хоть большую часть жизни он провел не в райских условиях, но нравился ему совсем другой климат. Там, дома у бабушки Серафимы, где прошло его детство, темнело рано, и вечер был теплым, а воздух пряным и каким-то бархатным. Все цвело и благоухало практически круглый год. В питерской же туманной вечной зиме ему было неудобно.

Юрий вспомнил Собеседника. Может, он никакой не человек, а обыкновенный инопланетянин, который украл Юрия для изучения во время перелета Нью-Йорк – Хельсинки? Интересно, зачем инопланетянам сведения о его женщине-мечте? Да! Ведь он же совершенно забыл сказать Собеседнику, что хотел бы, чтобы эта женщина была родом из Санкт-Петербурга. На другую он согласиться никак не может.

Таня затушила сигарету и набрала Иркин номер.

– Ну? – раздалось из трубки после недолгих гудков.

– Ты дома или в магазине? – поинтересовалась Таня. У Ирки был какой-то сложный график, и вероятность того, что она окажется дома, была мизерной.

– Дома я.

– Чего делаешь?

– Думаю, с кем бы мне выпить. Вдруг у Таньки Белов опять в запой уйдет и она наконец обо мне вспомнит.

– А где бы тебе хотелось выпить? У себя или в культурном заведении?

– Самое культурное заведение в городе у меня. Как и лучшая коллекция испанских и итальянских вин. Вот только с закусью слабовато. Инга Игоревна вчера из школы пришли вместе с подружками и все пожрали беззастенчиво, пока мать на работе.

– Чего купить?

– Да все бери. А ты чего, своему уже бульону наварила и в бутылочку с соской налила?

Таня усмехнулась и посмотрела на термос с бульоном, который она приготовила для Белова, если тот вдруг проснется. Да уж, для Ирки она действительно открытая книга.

– Угу. Я сейчас такси вызову, смотаюсь быренько в универсам – и сразу к тебе.

– Давай беги. А я пока штопор точить буду. – Ирка нажала отбой.

Таня глянула на себя в зеркало и осталась довольна. Тридцать пять, конечно, не двадцать пять, но до «ягодки опять» еще далеко. Она взяла сумку, сунула ноги в туфли и выбежала за дверь, оставив Белова приходить в себя самостоятельно. Больше всего на свете Таня терпеть не могла видеть выходящего из запоя Белова. Такси она вызвала, пока ожидала лифт. За те пятнадцать минут, в течение которых фирма гарантировала подачу машины, Таня решила спуститься в паркинг и посмотреть на машину Белова.

Когда они с Беловым покупали квартиру и места в паркинге, мест уже было ограниченное количество, и им еще повезло, что они вообще остались. Застройщик придержал немного именно для покупателей пентхаусов с видом на залив. Места были не рядом, а в разных концах паркинга, поэтому, когда Таня вчера приехала с работы, ей в голову не пришло проверять, на месте ли машина Белова. Где ж ей еще быть, если Белов в запое? Однако, обнаружив сегодня отсутствие ключей и документов, Таня обеспокоилась.

Еще больше она обеспокоилась, когда увидела пустое парковочное место своего супруга. «Мерседеса» Белова не было. Неужели угнали? Тогда куда девались ключи и документы? Может, в офисе оставил? С этими мыслями Таня ехала в такси, а потом бродила по универсаму. Универсам был дорогой и любимый. С отличной кулинарией и кондитерским цехом. Таня набрала полную телегу разных деликатесов. От мыслей о «мерседесе» Белова ее отвлекла удивительная картина в овощном отделе. Симпатичная женщина примерно одного с Таней возраста тягала с грузовой телеги ящики с помидорами черри и расставляла их на прилавке. Одета она была в фирменную робу работников гастронома.

«Вот тебе и мистическая женская сила!» – подумала Таня, разглядывая женщину. Лицо женщины радовало очень приличным макияжем, волосы были красиво уложены. То есть весь ее вид свидетельствовал о том, что перед Таней не пропащая пьянчужка, а дама, следящая за собой и, может быть, даже неплохо зарабатывающая. Не исключено, что она и вовсе заведует этим самым овощным отделом. Таня вздохнула, ей вдруг стало нестерпимо жалко эту милую женщину. В голове сразу нарисовалось, как она же, но наделенная той самой мистической силой, о которой говорил психолог, машет руками, а ящики сами собой укладываются на свои места.

«Нет, неправильно». Таня даже головой мотнула и сразу представила, как женщина из овощного отдела внимательно смотрит на подсобного рабочего узбекской национальности, который, как заведенный робот, расставляет ящики на прилавке. Это выглядело уже более правдоподобно. Да уж, скорее всего, женская мистическая сила только на мужиков действует, никак не на ящики с помидорами.

«А зря!» – подумала Таня, взяла пару коробок с черри и отправилась к Ирке.

Ирка жила на Петроградке, в новом красивом доме. Из ее окон, конечно, никакого залива видно не было, зато открывалась великолепная панорама питерских крыш. Ирка открыла Тане дверь с сигаретой в руке. В отличие от Тани она курила по всей квартире, где придется. Однако

стараниями единой системы кондиционирования и домработницы Вероники куревом в Иркиной квартире никогда не пахло.

Таня поставила пакеты на пол и плюхнулась на диванчик в Иркиной прихожей.

– Похоже, мой супруг «мерседес» свой пропил, – сообщила она подруге, стягивая туфли.

– Ну наконец-то! А то все пьет и пьет, а никакого толку! – согласилась Ирка.

Она подняла пакеты и поволокла их на кухню. Там уже был накрыт круглый стол.

– Жрать-то как хочется, – сообщила Ирка, разбирая притащенную Таней снедь. – Гришка у твоих опять?

– Ага. – Таня привычно достала фартук из ящика, где подруга хранила кухонные полотенца, повязала его и встала к плите.

– Смотри, Танька, твои коммуняки из приличного ребенка обязательно коммуняку сделают!

– Не, из меня ж не сделали. А твоя где?

– Не сделали исключительно из-за моего дурного влияния. А Инга Игоревна на свидании со своим папашкой.

– Как она?

– Как обычно. Хамит, требует свободы. Даже грозилась уйти жить к папашке.

– А ты что?

– Я ничего, наш папашка ж не дурак, чтобы эту змеицу на груди пригреть. Куда он баб своих водить будет? Он ей пообещал: если школу окончит хорошо, то отправит ее учиться в Лондон.

– Ух ты! Отпустишь?

– Еще бы. Баба с возу – кобыле легче. А что это ты готовить собралась? – Ирка сглотнула слюну.

– Куриные грудки с красным болгарским перцем и орехами кешью в соусе с бальзамическим уксусом и коричневым сахаром, – торжественно сообщила Таня, быстро нарезая курицу. – Время приготовления двадцать минут. Мой пока овощи и раскладывай закусь.

– Слушаюсь, товарищ командир! Вот Инге-то не повезло. Я ведь все слопаю и ничего ей не оставляю. Может, выпьем пока? Так сказать, аперитив.

– Наливай. – Таня кинула курицу на сковородку и принялась за перцы.

– Ну что? Белое, белое, ах, почему же ты не красное? – Ирка застыла напротив винного шкафа.

– Для начала можно и белого. Опять же натошак, говорят, надо пить исключительно белое. Пино гриджио, например. Уж больно виноград хороший, хотя и сильно выраженный. От шабли у меня почему-то всегда болит голова. Так что лучше давай все-таки совиньон блан. Оно полегче. А потом каким-нибудь испанским темпранильо отполируем. Уже под курицу.

– Танька, что-то я запуталась, кто у вас в семье алкаш-то?

– Алкаш Белов, а я еще только учусь. Пока осваиваю теорию.

Ирка достала бутылку белого вина, открыла ее и сунула в ведро со льдом.

– Можно мы красное по-пролетарски? Без декантера? – поинтересовалась она у Тани. – Его потом мыть заколебательно.

– Так и быть. – Таня махнула вилкой, которой взбивала соус.

Ирка открыла бутылку красного вина и поставила продышаться.

– Ну, приступим. – Она разлила белое вино по бокалам.

Чокнулись.

– За женское счастье, – провозгласила Таня.

– За него.

Таня кинула на вторую сухую сковородку орехи и вылила соус в перцы и курицу. По кухне пополз одуряющий запах.

Наконец все было готово, и Таня вывалила курицу из сковородки на блюдо и посыпала сверху орехами. Ирка подцепила кусок курицы вилкой, попробовала и от удовольствия замычала:

– Ой, Виноградова, ты просто волшебница! Как тебе это удастся? И быстро, и вкусно. Лучше, чем в любом ресторане.

– Не знаю. Это нечто подсознательное. Вот как у тебя. Ты же всегда знаешь, что с чем сочетается. В смысле, из шмоток. – Таня тоже попробовала курицу и осталась довольна.

– Это точно!

– Такие вот у нас с тобой, Ирка, таланты. Я жратву чувствую, а ты вещи.

– За это и выпьем. – Ирка подняла свой бокал. – За таланты.

Подруги чокнулись и выпили.

– Я тут сегодня, пока доктор манипулировал с капельницами, от нечего делать слушала тренинг психологический.

– О-о-о! Ну и что новенького нам ловцы душ сообщили?

– Женщина, оказывается, обладает огромной мистической силой. И именно ею она двигает своего мужика к вершинам разным.

Ирка хмыкнула.

– Тоже мне удивила, – сказала она, жадно поедая курицу.

– Ты знала?

– Танька, разуй глаза!

Таня послушно вытаращилась. Она почему-то решила, что, вытаращив глаза, можно будет наконец ощутить бродящую в себе мистическую силу.

– Да не в прямом смысле. А в смысле, посмотри вокруг. Вот взять хотя бы Алика Перельмана.

– И чего? – не поняла Таня. Перельман когда-то был большим боссом и дружил с бывшим Иркиным мужем Котельниковым. Вернее, они дружили семьями. Перельманы и Котельниковы.

– Пока Перельман был женат на своей Маринке, он до самого Кремля дорос, а потом – упс! Развелся. Новую жену себе нашел. И где он теперь, Перельман этот?

– Где?

– В Америке сидит. Из-за океана слюной брызжет, статьи пишет и рассказывает в своем блоге, как у нас тут все хреново.

– Думаешь, эта новая ему изменяет?

– Почему?

– Ну, энергию свою мистическую к Перельману не прикладывает. Или у Маринки, его бывшей, энергия посильней была?

– Нет. Я думаю, дело не в том, что у одной сила больше, а у другой меньше. Все дело в векторе. В векторе силы. – Ирка подняла палец кверху. – Маринка Перельмана вверх толкала, созидать, а новая жена его в бок тычет – проедать. Вот он и проедает сейчас то, что с Маринкой созидал.

– Да. – Таня задумалась. – Звучит очень убедительно.

– Да что там Перельман. Вот взять нашего самого главного... ну... – Ирка помахала рукой в воздухе.

– Того, чье имя произносить нельзя?

– Его! Он с женой под ручку до самого что ни на есть апофеоза добрался. Живи себе и радуйся. Так нет же, бес в ребро. Жена побоку. И что мы видим?

– Рейтинги падают?!

– Точно! И мой Котельников. Он кто? Правильно – полковник. Пока жене, то есть мне, нагло изменять не стал, до полковника дорос.

И все! – Ирка показала кукиш воображаемому Котельникову. – Так полковником и помрет. «И тогда я ответил ему, капитан, никогда ты не станешь майором!» – пропела она, разливая красное вино.

– Это ты права, конечно, но мне почему-то кажется, что Котельников твой тебя любит. – Таня отхлебнула из своего бокала и зажмурилась. Вино было отличное.

– Ага! Конечно любит. А чего ему меня не любить? Я ему ничего плохого никогда не делала. Только хорошее. Вот Ингу Игоревну, например, родила. Хотя это, наверное, не такое уж и хорошее дело, если на ее поведение посмотреть. Опять же в полковники его вывела. Только одно непонятно, как при всей такой замечательной любви ко мне он постороннюю толстомясую бабу в бане тискал? – Ирка тоже глотнула вина и непечатно выругалась.

– Да кто их знает, мужиков? По мне, так все они инопланетяне. У них в башке все как-то странно устроено. Уж не как у нас, это точно. Мой вот тоже вроде человеком ходит, а потом – раз! И животное. Скотина такая, знаешь ли! Кстати, неизвестно еще, кого он в своем животном безобразии тискает. Хорошо, если бабу!

Ирка прыснула:

– Скажешь тоже, Танька! Чего ты на мужика наговариваешь? Он алкаш – и все. Этим все сказано. А Котельников – бабник. Порода у них разная.

– А мне нынче доктор алкоголический сказал, что я себя совершенно не люблю, – решила пожаловаться Таня. – Я сначала спорить с ним начала, а потом поняла, что правильно мужик говорит! На работе я каждой бочке затычка, всем услужить пытаюсь, дома – вообще говорить нечего, чистая Золушка!

– Ну доктору-то видней. – Ирка не стала спорить с подругой. – И как ты теперь собираешься себя возлюбить? Всех подальше пошлешь?

– Примерно! Я вот думаю, может, развестись мне с Беловым? Устала я как на вулкане жить.

– Дура! – Ирка аж ногой топнула. – Развестись – дело нехитрое! А вот потом без мужика жить придется, а это, я тебе скажу, полный абзац. С ними плохо, а вот без них совсем хреново!

– И что? Так хреново, что ты готова Котельникова назад позвать?

– Вот еще! Дуля ему! Хреново мне, но не до такой степени, чтобы скотство разное терпеть.

– А мне, думаешь, не надоело скотство терпеть?

– Ну ты сравнила!

– У каждого свое скотство. Вон у меня на работе – какую бабу ни возьми, обязательно незадача какая-нибудь у нее в семье имеется. И незадача эта, скажу я тебе, от нашего с тобой скотства недалеко ушла. Так, различные вариации и комбинации. Вот тебе и мистическая энергия!

– Тут я согласна. Свою мистическую энергию разным свинопасам раздавать нельзя. Это бессмысленное расточительство. Но я тебе, Танька, на своем опыте говорю, что в нашем с тобой возрасте найти себе путного мужика, да еще и болтающегося в свободном полете, – задача просто невыполнимая!

– Ай. – Таня махнула рукой. – Мало ли невыполнимых задач мы с тобой уже решили. Вон доктор этот алкоголический, прямо скажем, со мной заигрывал беззастенчиво.

– Это он с тобой заигрывал, пока ты при своей скотинке состоишь и доктору этому от тебя никакой угрозы. А как только ты одинокой гармонью заделаешься, доктор этот слиняет от тебя, только пятки засверкают.

– Посмотрим.

– Посмотрим.

От Ирки Таня ехала в отличном настроении и была преисполнена решимости поставить в своей жизни с Беловым жирную точку. Когда она вошла в квартиру, там было тихо. Белов по-прежнему спал, сладко похрапывая. Таня открыла термос, бульона там уже не было. Значит, Белов пошел на поправку и кое-что уже сообщает. Допрос она решила отложить до утра и отправилась спать в Гришкину комнату.

«Надо бы завтра в старую квартиру наведаться, посмотреть, что там к чему», – думала она засыпая.

Утром она проснулась от крика Белова:

– Танька! Ты где? Выходи, коварная, я есть хочу!

«Шас! – подумала Таня. – Упала и отжалась, бегу и хвост ломаю»

Она перевернулась на другой бок, но поняла, что заснуть уже не сможет. Тем более что Белов ее рано или поздно найдет. Вон как дверями по всей квартире хлопает. А она совершенно не хотела, чтобы он ее здесь нашел. Сонную и не готовую к бою. Она встала, надела халат, заколола волосы шпильками и вышла в коридор:

– Чего орешь? Тут я. У меня, между прочим, выходной день. Имею право поспать подольше.

– Конечно имеешь. – Белов подхватил Таню на руки и потащил на кухню. Там он поставил ее у плиты. – Вот накорми мужика, а потом дрыхни сколько влезет.

Таня вздохнула, вспомнила доктора и полезла в холодильник за яйцами. На завтрак по выходным дням Белов любил омлет и салат из помидоров с луком.

«Надо же, все алкаши после капельниц еще как минимум день в себя приходят и есть не просят, – думала Таня, взбивая омлет. – А этот конь здоровенный, все ему как с гуся вода. Все время жрать хочет».

– Где машина? – спросила она, вываливая омлет на сковородку.

– Какая машина? – Белов сделал вид, что не понял.

– Обыкновенная. Марки «мерседес» белого цвета.

– Так у Михалыча. – Белов подхватил у Тани с разделочной доски кусок помидорины и запихнул себе в рот. – А хлеба нет? Опять худеем?

Таня вынула из хлебницы пакет краюшек и сунула его в руки мужу.

– Ты можешь потерпеть? Знаешь же, что я ненавижу, когда куски хватают. А чего машина у Михалыча делает? – Таня не собиралась прекращать допрос по интересующей теме. Тем более узнав, что машина находится у их старого знакомого автомеханика. Михалыч ремонтировал любые автомобили, а особенно у него хорошо получались кузовные работы. Однако с тех пор, как Таня и Белов стали покупать новые автомобили, от услуг Михалыча пришлось отказаться. Техническое обслуживание из-за гарантии новые автомобили обязаны были проходить на станции у дилера, а кузовные, если не приведи господь, случалась какая-нибудь авария, опять же с оплатой по КАСКО производились у того же дилера.

– Что надо, то и делает! Много будешь знать, скоро состаришься. – Белов захихикал и стал целовать Таню в шею, щекоча щетиной. Щетина у Белова была необычайно мягкая и очень приятная. Он хорошо знал, что Тане нравится, когда он ее этой своей щетиной щекочет.

– Саша! Не надо. – Таня отклонила и строго посмотрела Белову в глаза. – Ты что, пьяный за руль сядешь?

Белов глаза отвел, и Таня все поняла:

– Куда въехал?

Белов молчал, насупившись.

– Саша, я серьезно. Отвечай сейчас же, во что ты вляпался?

– Да ни во что я не вляпался. По крайней мере, пока.

Тане сделалось нехорошо.

– Что значит – пока?

– То и значит. Отстань, пожалуйста. У тебя омлет сейчас сгорит. Тебе, кстати, не пора за ребенком ехать?

«Вот зараза какая! Правильно доктор говорил». Таня выключила омлет.

– Нет, не пора! Я сейчас себе кофе сварю. Выпью чашечку, покурю. Потом соберусь и поеду по своим делам. Вечером на обратном пути заеду за Гришей. А ты, если хочешь есть, можешь пожарить себе омлет и сделать свой любимый салат. Вот помидоры здесь, лук в овощном ящике, масло в шкафчике. Там же балзамический уксус. Его достаточно одной чайной ложки. Соль и перец по вкусу.

Таня подошла к кофемашине, проверила наличие в ней кофе, поставила чашку и нажала на кнопку. Две порции эспрессо – это то, что ей сейчас просто необходимо.

– Танька, ты чего, обиделась, что ли?

На растерянного Белова было жалко смотреть, но она подавила в себе эту жалость.

– Что ли! – Таня взяла чашку с кофе, сигареты и направилась мимо Белова на террасу. На ту самую, где не разрешала никому курить. Она уютно расположилась за столиком с видом на залив и с удовольствием затянулась. Вдалеке по заливу плыли корабли, и Таня с горечью подумала, что при разводе такую хорошую квартиру наверняка придется отдать Белову.

Ирка Федотова поймала своего Котельникова на измене совершенно случайно. Ну а иначе-то, наверное, и не бывает. Жена всегда все узнает последней. Правда, существует мнение, что некоторые жены сразу подозревают неладное, но не хотят в это неладное верить и зажимают глаза, зарывая голову в песок. С Ирккой ничего такого не было. Она с тех времен, когда Котельников еще только за ней ухаживал, привыкла к его постоянным дежурствам, усилениям, заданиям, задержаниям и захватам. После того как они поженились, все Иркины мечты об иностранном принце, естественно, испарились. Да и зачем, собственно, об иностранном принце мечтать, когда вот он, рядом, и никакой не иностранный, а свой отечественный. Да еще какой! Всем на зависть. Опять же при серьезном деле состоит.

Однако бросать учебу на факультете иностранной болтологии, ввиду отсутствия теперь перспектив на встречу с иностранным принцем, Ирка не стала. Без высшего образования в интеллигентной семье ее родителей жизнь вообще не представлялась возможной. Правда, мама переживала, что диплом ее по иностранной болтологии никакого практического значения для семейного бизнеса не имеет и лучше бы он был связан с бухгалтерским учетом. Отец же с мамой не соглашался и брал Ирку на закупки товаров в качестве переводчицы. Так она постепенно изучила эту часть родительской деятельности и иногда даже заменяла отца. Кроме того, она и бухгалтерский учет прекрасно освоила. Чего там сложного-то в учете этом? Так что малопомалу Ирка расцвела пышным цветом в родительском бизнесе. Отец с матерью теперь были у нее на подхвате и занимались новыми торговыми точками. Отец считал, а Ирка с ним безоговорочно соглашалась, что останавливаться на достигнутом ни в коем случае нельзя. Поэтому семья Федотовых с завидным постоянством открывала новые магазины в спальных районах, которые росли вокруг города как грибы после дождя. Магазины назывались «Линия» и были оформлены в едином стиле.

В свою очередь, и Игорь Котельников, как борец с организованной преступностью, принес немало пользы семейному бизнесу, присутствуя незримо во всех магазинах сети. Конкуренты на торговую сеть Федотовых не наезжали, криминальные элементы боялись даже посмотреть в ту сторону, налоговая инспекция предупреждала о проверках заранее, а пожарные и СЭС вовсе ставили свои разрешительные подписи без выезда на объект. Конечно, такая тепличная ситуация сложилась не сразу и потребовала от Котельникова некоторых телодвижений и определенного напряжения, но со временем всем стало ясно – Федотовых трогать нельзя, себе дороже!

Без отрыва от производства Ирка родила Котельникову дочку Ингу, в которой тот души не чаял. Любовь эта была взаимной, и Инга обожала своего папочку, не зная от него отказа ни в чем. Котельников ребенка откровенно баловал, а Ирка, занятая бизнесом, смотрела на это сквозь пальцы. Она обожала их обоих – и дочку, и мужа. Ирка считала, что ей необыкновенно повезло и жизнь удалась. Со временем она выстроила бизнес так, чтобы бывать дома как можно больше. Она с упоением занималась домашним хозяйством и обихаживала своего принца со всех сторон. Котельников стал гладким и невозможно красивым. Ну просто сытый кот породы мэйн-кун, как определяла его Таня Виноградова. Счастье Иркино казалось безграничным, у нее была чудесная семья, любимая работа, огромный автомобиль «шевроле-тахо», красивая квартира в центре города и замечательный загородный дом на большом участке земли в престижном Курортном районе.

Незадача случилась ясным зимним днем. Ирка к приходу Инги из школы готовила борщ по фирменному рецепту Тани Виноградовой, когда ей позвонила дачная соседка:

– Ир, привет! Вы там Асланбека нашего смотрите не избалуйте.

Асланбеком звали соседского сторожа, который постоянно жил на даче у соседей и за небольшую денежку приглядывал за домом Котельниковых.

– Чего-то не поняла, мы ж согласовали его зарплату с вами, – удивилась Ирка.

– А уборка снега? Вы там ему все время пятьсот рублей даете. Этак он наш снег и вовсе чистить перестанет.

– Ну это ж редко. Мы же только когда приезжаем. Пару раз-то всего за зиму и были. Сама посуди, весь снег, что за несколько месяцев навалил, за один раз убрать – это ж дорого стоит. – Ирка скорее даже самой себе попыталась объяснить логику такого ценообразования на снегоуборку. Ведь соседи ездили на дачу каждые выходные, а Ирка в своих выходных редко совпадала с отсутствием дежурств и усилений у супруга, поэтому зимой на даче они бывали практически только в новогодние школьные каникулы. Новый год Котельниковы всегда отмечали на даче, для чего наряжали елку у крыльца и украшали разноцветными гирляндами дом. Потом Ирка оставалась на даче вместе с Ингой, а Игорь ездил на работу прямо оттуда.

– Ха! Пару раз всего, говоришь, были? Да Асланбек уже к вам повадился чуть ли не каждую неделю, а то и по два раза! Ходит счастливый, аж рожа светится. Если так часто ездите, то хоть меньше ему платите.

– Странно. Но я мужу передам. – Ирка попрощалась с соседкой и нажала отбой.

Тут же набрала номер Котельникова.

– Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – приятным голосом ответила девушка из трубки, потом повторила фразу по-английски, предложив Ирке попробовать позвонить позже.

«Наверное, совещается», – автоматически подумала Ирка и набрала Виноградову.

Виноградова не совещалась и трубку взяла сразу.

– Виноградова, мне нужна твоя помощь.

– Ну?

– Ты ба-а-альшой специалист в управлении персоналом.

– Может быть.

– Если персонал получает за свою работу значительно больше денег, чем положено, что это значит?

– Кем положено?

– Ну, допустим, рынком труда.

– Значит, персонал перерабатывает, сверхурочные и все такое, или знает чего-то особенное, чего другие знать не должны.

– Вот и я так думаю. Ты не смогла бы со мной сейчас до моей дачи смотаться, а то мне одной стремно?

– Зачем это?

– Проверить надо. Перерабатывает персонал со сверхурочными или знает кое-что интересное.

– Ну я вообще-то на работе сижу и для дачи одета весьма неподходящим образом.

– Брось, наша дача практически в городе уже. Там цивилизно все. Опять же от офиса твоего недалеко. Полчаса, и мы на месте. Заодно и мозги проветришь.

– Уговорила. Жду тебя, подъедешь, позвони.

Ирка быстро выключила борщ, сняла передник и кинулась в прихожую. Там она глянула в зеркало, чертыхнулась и помчалась в ванную. Что бы там ни оказалось на даче, а женщина всегда должна быть при оружии. То есть при макияже. Ирка намазала лицо тональным кремом, подвела и наредила глаза, наклонила голову вниз, потрясла волосами и сбрызнула все это безобразие лаком. Волос с виду сразу стало в два раза больше. Потом Ирка побежала в кабинет и достала из сейфа ружье. Котельников давно купил ей это ружье и оформил охотничий билет. Как он сказал, на всякий случай. Даже в тир ее водил, где Ирка показала недюжинные способности к стрельбе. Вот он, похоже, этот всякий случай и наступил.

Ирку терзали разные смутные подозрения, верить в которые не хотелось. В глубине души она надеялась, что обнаружит на даче каких-нибудь обосновавшихся там бомжей или следы их пребывания. А может, и не бомжей, а друзей Котельникова, занимающихся прелюбодеянием. За это, конечно, она супругу голову снимет, но пусть бы только за это. С такими нелегкими мыслями Ирка загрузилась в машину и через пятнадцать минут была уже у проходной завода, где работала Виноградова. Пока Таня выгребалась из своего офиса, Ирка наредила губы и еще раз позвонила Котельникову. Абонент по-прежнему находился вне зоны. На этот раз мысли о том, что он совещается, у Ирки в голове почему-то не появилось.

Наконец Виноградова взгромоздилась в машину и плюхнулась на сиденье рядом с Ирой.

– Тебе лестницу надо к этому сараю присобачить, чтоб я в узкой юбке да на каблуках всегда залезть могла, – посоветовала она Ирке, оглядываясь по сторонам. – Хорошо выглядишь, а ружье зачем?

– На всякий случай. Ты же знаешь, ружье нужно на всякий случай!

– Не придируйся. Мы кого-то захватывать едем? Или убивать?

– На месте разберемся. Может, померещилось.

– Хорошо бы, – заметила Виноградова, и Ирка поняла, что подруга обо всем догадалась. Да уж, с подругой ей повезло. Можно даже и не говорить ничего. Вон сидит, набычилась, аж челюсть вперед выставила. Тоже к бою готовится.

До дачи домчались быстро. В будний день шоссе практически было пустым. В поселке дороги были хорошо почищены. Пожалуй, даже получше, чем в центре города. Въезд на участок Котельниковых был тоже тщательно расчищен. Ирка подъехала к воротам и нажала на кнопку пульта дистанционного управления. Ворота бесшумно поползли в сторону, и взгляду предстала также расчищенная от снега парковочная площадка, на которой стояла машина Котельникова. Ирка застонала, потом заглушила мотор, взяла ружье и вылезла из машины, сделав знак Виноградовой сидеть тихо. Татьяна не послушалась, а поперлась следом. Ирка остановилась и завращала глазами, приложив палец к губам, а Виноградова изобразила возле рта застуженную молнию.

Дом производил впечатление абсолютно нежилого, а вот над баней струился дымок. Когда до бани оставалось пройти еще метра три, дверь ее внезапно распахнулась и оттуда с хохотом вывалилась совершенно голая упитанная и пышногрудая девица, она с визгом упала в снег и тут только заметила Ирку. Ирка стояла столбом и глядела на девицу во все глаза. Девица опять завизжала, правда, уже с несколько истерическими нотками. Следом за девицей из бани выскочил голый Котельников и замер с открытым ртом, увидев Ирку. Ирка подняла ружье и тщательно прицелилась. Девица заорала благим матом и рванула в баню. За ней припустил

Котельников, дверь захлопнулась, в этот момент раздался выстрел. С места, где только что стоял Котельников, от стены бани отлетела щепка. Виноградова за Иркиной спиной тихонько пискнула и села в снег.

– Совсем сдурела! – заорал из бани Котельников.

– Ага, – ответила Ирка и расхохоталась. Теперь она знала, что такое смех сквозь слезы. Слезы душили Ирку и предательски ползли по щекам, а она хохотала. Так хохоча как безумная, она подошла к дверям бани, опустила роллету и защелкнула ее на замок.

– Ирка, помоги мне встать, видишь, я увалилась, – запричитала Виноградова, пытаюсь вылезти из сугроба. – Говорила тебе, что не одета для дачи, так нет, кто ж меня слушать будет? Дай руку, а то я себе все в короткой юбке отморожу.

– Щас! Вот только схожу в генераторную за бензином. Подожду тут все, тогда и тебя из снега вытащу! – Ирке очень хотелось, чтобы Котельников ее слышал, поэтому орала она на весь лес.

Виноградова наконец вылезла из сугроба и подошла к Ирке.

– И правильно! «Гори, гори, моя звезда», – пропела Виноградова с чувством, а потом добавила: – А еще лучше колеса прострелить. Простенько и со вкусом.

Необычайно спокойный голос подруги звучал где-то очень далеко, однако то, что она не успокаивала, не жалела и не останавливала Ирку, а, наоборот, советовала предпринять еще что-то такое очень для Колесникова обидное, действовало отрезвляюще. Ирка мотнула головой:

– Действительно, мне эту канистру с бензином ни в жизнь не поднять! А может, их просто там оставить, пусть сами подохнут? От голода и холода? – Ирка заметила, что может рассуждать уже практически спокойно, и порадовалась за себя.

Виноградова оценивающе оглядела баню:

– Хорошая идея. Окна под потолком, узкие, да еще и решетками забранные. Дверь наружу открывается, ее ты отсекала роллетой. Так что голубчики-то замурованы. – Похоже, Виноградова тоже хотела, чтобы Котельников их слышал, потому что говорила она громче обычного, но не орала, как Ирка.

А Котельников, выходит, и правда все слышал, так как из окошка над их головами раздалось:

– У меня телефон есть, забыли?

– Действительно, – согласилась Ирка, обращаясь к Виноградовой. – Про телефон-то мы и забыли! Он ведь службу спасения из города вызовет с вертолетами.

– А немножко понервничать никому не повредит. Пока там эти вертолеты прилетят, дрова-то, глядишь, и закончатся. Похолодает в баньке, и потом, опять же – упс! – а начальника жена с бабой поймала. Представляешь, как у них там организованные преступники веселиться будут?

Ирка представила и заулыбалась:

– Эх, жалко, что одежда у них там есть. Так бы покрасивше было, если б спасатели их голышом спасали. Холодненьких таких в синюю пупырышку!

– Женщины, откройте нас, пожалуйста! – раздался из бани женский голос.

– Заткнись! – хором рявкнули Ирка и Котельников.

– «Не виноватая я, он сам пришел!» – со смехом добавила Виноградова. – «А город пил коктейли пряные, пил и ждал новостей», – запела она и пошла к машине.

– Значит, так, – удивительно спокойно сказала Ирка. Она приняла решение и даже ощутила какую-то небывалую легкость. – Жить будешь здесь, на даче. Мне теперь этот дом и задаром не нужен. Бр-р-р! Щас сблую! Инге сам все расскажешь. И чтоб никаких там «мама меня выгнала». Ты сам ушел. А вот почему, попробуй дочери объяснить, иначе я со временем ей сама все расскажу в подробностях. И постарайся мне больше на глаза не показываться. Я завтра на работу уеду к десяти, вернусь часов в семь. Времени предостаточно, чтобы все, что тебе

нужно, из квартиры забрать. На развод я подам, а ты уж там по своим каналам этот процесс ускорь максимально.

Ирка наклонилась, открыла замок и подняла роллету. По дороге к своему автомобилю она не удержалась и выстрелила в переднее колесо машины Котельникова. Со стороны бани слышались ругательства.

Когда они выезжали со двора, навстречу им кинулся соседский сторож Асланбек.

– Стреляли? – спросил он, заглядывая в закрывающиеся ворота.

– Ага, – сказала Ирка. – Убила мужа и бабу его.

Асланбек заулыбался:

– Если надо еще снег чистить, зовите.

– Обязательно. – Ирка подняла стекло и поехала из поселка.

Асланбек, улыбаясь, махал ей вслед.

– Ты как? – спросила Виноградова, протягивая Ирке сигареты. – Хочешь, я за руль сяду?

– Все нормально. Ты с непривычки на моем сарае можешь нас угробить. – Ирка закурила и посмотрела на себя в зеркало заднего вида. – А я ничего, очень даже хорошенькая.

– Ты красавица настоящая! Не хуже любой топ-модели. Я имею в виду прежних, которые красивые были. Синди Кроуфорд, Линда Евангелиста, Клава Шиффер. Сейчас-то не пойми кто по подиуму шоркается. Бледные спирохеты какие-то!

– Точно. И куда мне теперь со всей моей красотой деваться? Выходит, пусть зря пропадет?

– Ни в коем случае. Это она у тебя, считай, последние пятнадцать лет зря пропадала, а теперь ты найдешь себе настоящего принца и сделаешь из него царя.

– Так я же думала, что Котельников принц и есть.

– Не каждый встреченный тобой на жизненном пути свинопас является тайным принцем.

Иногда свинопас – это просто свинопас.

– А баба-то эта чуть не обоссалась от страху! – Ирка вспомнила перекошенное лицо толстомясой девицы и заржала.

– Да я и сама чуть не описалась, когда ты палить начала, – со смехом согласилась Виноградова. – Да уж, приключение у нас с тобой сегодня было хоть куда. Может, мне Белова моего тоже ружьем пугануть, чтобы пить бросил?

– А ты что, думаешь, Котельников теперь с бабами трахаться с перепугу перестанет?

– Да, ты права. Это не метод. Это утешительный приз.

– Действительно, мне понравилось! А ведь поначалу даже удавиться хотела.

– Надо будет подумать, как это к моему управлению персоналом приспособить.

– Ой, Танька, у тебя уже все к управлению персоналом приспособливается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.